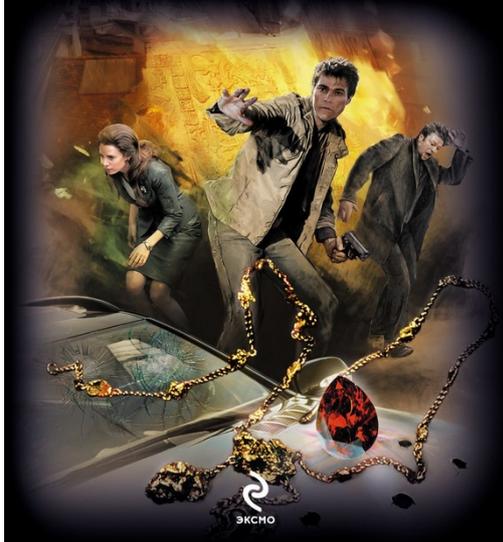

Евгений СУХОВ

ПОДАРОК РАСПУТИНА

БЛЕЩЕТ ЗОЛОТО КРОВЬЮ АЛОЙ

Евгений Евгеньевич Сухов
Блещет золото кровью алой
Серия «Подарок Распутина»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4583010
Сухов Е. *Блещет золото кровью алой* : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-60335-0

Аннотация

Кладоискатель Владлен Лозовский находит в старом московском доме яйцо Фаберже «Ангел Хранитель». Бесценную находку он продает коллекционеру Таранникову, который кладет сокровище в банковский сейф. Но отпетые мошенники чуют добычу, и нет для них никаких преград. Жулики со стажем Григорий и Иннокентий приходят к Таранникову домой, убивают его, берут ключ от сейфа и обманом выносят артефакт из банка. Они намерены продать его уголовнику Шатуну и пока не задумываются о том, что положили начало долгому кровавому пути алчности и беззакония. И покатится антикварный шедевр в даль туманную, оставляя за собой трупы да покалеченные судьбы...

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	35
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Евгений Сухов

Блещет золото кровью алой

Часть I

Семейное предание

Глава 1

Банк взят!

– Здравствуйте... Алексей Павлович? – вкрадчивым голосом произнес Григорий.

– Он самый, – прозвучал напряженный голос Таранникова.

Подмигнув стоявшему рядом Кенту, Григорий продолжал:

– Это вам звонят из банка «Заречье», заместитель управляющего Никанор Глебович Ерофеев. Вы ведь открывали в нашем банке ячейку?

На какое-то время в трубке повисла пауза, после чего Таранников сдержанно ответил:

– Именно так.

– Извините, что мы вас не предупредили сразу, – любезно заговорил Григорий. Иннокентий едва удержался, чтобы не расхохотаться. Он никогда не полагал, что Упырь обладает актерскими задатками. – Но мы вводим в зале дополнительную плановую степень защиты. Вам нужно подойти в наш банк и переложить свои ценности в другую ячейку.

– Я даже не знаю, что вам ответить, – по голосу чувствовалось, что Таранникова переполнял гнев. – Если сказать, что вы причиняете мне неудобства, это значит, ничего не сказать.

– Мы все это понимаем и ручаемся, что ничего подобного в следующий раз не повторится. Но сейчас вам нужно будет выполнить требования банка, – добавил Григорий в голос твердости. Иннокентий одобрительно закивал.

– А если я сейчас не могу? Тогда что?

– В этом случае мы вправе вскрыть ячейку и перенести содержимое в надлежащее место.

– Это черт знает что! – Голос Таранникова едва не срывался на крик. – Хочется безопасности, а здесь получается прямо противоположное! Я буду жаловаться!

– Это ваше право, – ответил Григорий ледяным голосом.

– Вы еще не знаете, с кем связались, у вас просто отзовут лицензию!

– Не нужно нас пугать, вы преувеличиваете свои возможности.

– Ну, знаете ли...

– Когда нам вас ждать?

– Я подумаю.

– Все наши клиенты уже выполнили требования банка, очередь осталась за вами. Специалисты ожидают вашего приезда, чтобы начать свою работу, – проявил Григорий настойчивость. Он чувствовал, что нужно еще немного надвить, и Таранников сдастся. – Мы можем подождать вас два с половиной часа, если за это время вы не придете, тогда мы вправе поступать по правилам банка.

– Это какие еще, к дьяволу, правила! Проклятье!

– Если вы внимательно прочитали договор, то должны были увидеть, что банк учитывает форс-мажорные обстоятельства, при которых мы вправе переносить содержимое ячеек в безопасное место, – настаивал Григорий.

– Мне плевать на ваши «форс-мажорные обстоятельства»! Что там у вас произошло? Война, землетрясение или, может быть, ограбление?! Я больше не желаю иметь с вами никаких дел!

– Это как вам будет угодно, – холодно произнес в ответ Григорий. – У вас всего два с половиной часа, советую вам поторопиться, если не хотите, чтобы содержимое вашего ящика было вскрыто при свидетелях.

– Хорошо, я приеду!

Григорий улыбнулся, торжествуя победу.

– Не забудьте взять с собой ключ от ячейки, – учтивым голосом, в котором улавливались твердые интонации, напомнил Григорий.

– Не позабуду, – прозвучал холодный ответ.

В трубку ударили короткие гудки.

Вытащив из телефона сим-карту, Григорий швырнул ее в сторону.

– Ловко это у тебя получилось, – хмыкнул Иннокентий. – Никогда не подозревал, что в тебе прячется такой артист. А голос как изменил!

К шутке приятеля Григорий отнесся серьезно:

– Ты многого обо мне не знаешь. Сложись моя жизнь иначе, так я, возможно, блистал бы на сцене МХАТа, а мне приходится сшибать копейку у какого-то Алексея Павловича. Обидно-с, сударь!

– Ну, ты даешь, Упырь! – развеселился Кент. – А ты уверен, что в банке не спросят документы и достаточно будет одного ключа?

– Абсолютно. Я рядом стоял и все слышал. Это дополнительная услуга, за нее идет доплата. Видно, он какие-то свои расклады готовил. Так что показываем ключ, проходим в хранилище, забираем яйцо Фаберже и уходим.

– Отлично! Куда мы сейчас?

– Поедем к Таранникову, – ответил Григорий и, посмотрев на часы, добавил: – У нас не так много времени.

До дома Таранникова добрались быстро, за каких-то пятнадцать минут. Его машина стояла у подъезда, значит, он еще не вышел. Поднялись по лестнице и остановились на площадке, ожидая его выхода. Дверь отворилась через минуту, и Алексей Таранников едва не столкнулся с вышедшим навстречу Григорием.

– Ты откуда здесь? – невольно вырвалась у Алексея Павловича.

– У меня есть к тебе дело.

Упырь стоял на проходе, не желая подвинуться, даже повел слегка плечиком, потеснив Таранникова.

Нахальство Григория Таранникову не понравилось, нахмурившись, он спросил:

– Какое еще у тебя может быть дело? Денег на пузырь, что ли, не хватает? Так и скажи! Но ты не вовремя, я тороплюсь!

– Не надо со мной так разговаривать, Алексей Павлович.

– Пошел прочь! Не до тебя!

Позади что-то угрожающе шаркнуло.

Обернувшись, Алексей Павлович увидел Кента, криво усмежавшегося.

– Чего ты лыбишься, придурок?

– Зря ты так, – хмуро произнес Иннокентий.

Лицо Алексея Павловича перекошилось от страха. Осознав, что происходит нечто ужасное, он бросился вперед, но натолкнулся на Григория, стоявшего словно скала.

– Пусти!

Иннокентий с размаху ударил по голове Таранникова гирькой. Удар получился сильным, хрустнула затылочная кость, и Алексей Павлович, обхватив Григория, со стоном принялся сползать на кафельный пол.

Дружно взяв раненого под руки, они втащили его в прихожую, закрыв за собой дверь.

– Кажется, дышит, – наклонился Григорий.

– Может, придушить? – предложил Кент. – Вдруг очнется?

– Не надо, и так сдохнет! Посмотри ключ от банковской ячейки, он должен быть у него.

Иннокентий постучал по пиджаку Таранникова – в одном из карманов что-то звякнуло.

– Ага! Нашел!

– Давай сюда... – забрав ключ, Григорий сунул его в накладной карман куртки, закрыв на замок. – Все! Сваливаем отсюда! – распахнул он дверь. – Выходим тихо. Без спешки.

* * *

Для предстоящего визита в банк Григорий решил подготовиться подобающим образом – поменял привычную джинсовую куртку на приличный итальянский костюм темно-синего цвета. Кент лишь едва хмыкнул, невольно подивившись перевоплощению приятеля. Тот сумел изменить не только внешний вид, но кардинально поменялся внутренне, как если бы наполнил личность какими-то специальными знаниями. Даже на окружающих он смотрел теперь как-то по-особому, а в светло-зеленых глазах просматривался нешуточный интеллект.

Иннокентий невольно хмыкнул, подумав о том, что в таком классном прикиде не стыдно замахиваться даже на директорское кресло.

– Ты стал похож на делового, – съязвил Кеша.

Не то укорил, не то похвалил.

– Это к лучшему, – убежденно отреагировал Григорий и сел на пассажирское кресло. – Так что будешь за шофера.

Машина энергично сорвалась с места, распугав небольшую стайку голубей.

– Как настроение? – оживленно поинтересовался Кент, лихо обгоняя сопутствующие машины.

Григория всегда раздражала агрессивная манера Кента водить тачку, сейчас он едва сдерживался, чтобы не прикрикнуть.

– Ты на дорогу смотри, не хватало нам сейчас куда-нибудь вляпаться, – хмуро обронил Григорий.

Проскочив перекресток, Кент широко улыбнулся:

– У тебя даже голос как-то поменялся. Интонации начальственные прорезались. Прежде я их не замечал.

– Привыкай, – буркнул Григорий. – Вот что... припаркуйся около входа. Где-нибудь около того столба, – указал он на свободное место. – Не хочу рисковать, если в банке что-нибудь пойдет не так. Я тотчас выскакиваю, прыгаю в машину, и мы сразу сматываемся.

– Понял.

– Дверцу на всякий случай оставляешь открытой.

– Договорились, – охотно ответил Иннокентий, прижавшись колесами к высокому бордюру.

Вытащив из кармана ключ от банковской ячейки, Григорий с интересом всмотрелся в бороздки. Трудно было поверить, что небольшой кусок металла давал пропуск в интересную и богатую жизнь, о которой он столь долго мечтал и которая еще вчера виделась ему неосуществимыми грезами. Жизнь – штука жесткая и весьма несправедлива к распределению материальных благ: одним предоставляется все, а другим достаются лишь ошметки с

богатого стола; целыми днями разъезжаешь по городу, работаешь как вол, а в результате сшибаешь только жалкую копейку. Не везет, одним словом! А другому стоит всего-то пошевелить мизинцем, чтобы заполучить яхту величиной с айсберг.

Григорий довольно улыбнулся, самое время подкорректировать свою судьбу: ключ, что он сжимал в ладони, скорее всего, даже не пропуск, а отмычка в увлекательную жизнь, где в качестве бонуса – красивые девушки, великолепное вино и отдых в экзотических странах.

– Не потеряй, – язвительно обронил Иннокентий, – другого у нас нет.

– Не потеряю, – зажал Григорий в ладони ключ.

Распахнув дверцу машины, он уверенно ступил на тротуар и, помахивая кожаным портфелем, двинулся в сторону банка.

К банку «Заречье» Григорий с Кентом подъехали незадолго до его закрытия – оставалось каких-то полчаса. Время оптимальное – конец рабочего дня. На служащих каменной плитой наваливается усталость, внимание рассеивается, концентрация не столь высока, как в начале рабочего дня, взгляд без конца упирается в циферблат, подгоняя медленно тянущееся время. А всякий поздний клиент воспринимается с внутренним протестом, как завоеватель, вторгшийся в личное пространство.

Клиенты в последние минуты рабочего дня обслуживаются особенно быстро. Накопившееся утомление заставляет служащих банка смотреть на многие вещи в половину глаза. Даже документам уделяется не столь тщательное внимание, как в утренние часы.

Иначе – лучшего времени для визита в банк придумать сложно.

Заместитель директора банка Никанор Глебович Ерофеев оказался на месте, встретив незапланированного визитера с неизменной улыбкой, сквозь которую можно было прочесть кисловатое настроение. Еще минуту назад он считал рабочий день завершенным и оставшиеся полчаса рассчитывал провести в покое, перелистывая какой-нибудь модный журналчик с сисястыми тетками, но вместо этого ему придется лепить улыбки и ублажать очередного капризного клиента.

Самое время переходить в наступление и дать понять, что оставаться надолго он не собирается.

– Я к вам буквально на несколько минут, – заверил Григорий.

Разжав ладонь, он показал ключ от банковской ячейки, в которой покойный Таранников хранил яйцо Фаберже. С удовлетворением отметил, как капризная складочка в уголках губ разжалась, отчего лицо Ерофеева приняло еще более любезное выражение. Теперь он был сама предупредительность.

– Я весь в вашем распоряжении. Так что вы хотели?

– Дело в том, что меня к вам отправил Алексей Павлович... господин Таранников. –

Банкир понимающе кивнул. – Утром мы были у вас...

– Разумеется, я вас помню. Так какое у вас дело?

– Понимаете в чем дело, у нас изменились обстоятельства. Нам нужно срочно открыть банковскую ячейку.

– А почему в таком случае Алексей Павлович сам не пришел, а отправил вас? – нейтральным голосом спросил банкир.

На первый взгляд обыкновенный вопрос, какой положено задавать в подобном случае. Все бы ничего, вот только застывшие глаза банкира, будто сканеры, стремились подмечать малейшее идеомоторное движение. Оставалось самое трудное – выдержать.

Располагаясь улыбнувшись, Григорий ответил:

– Он не может подойти, спину прихватило, вот он меня и отправил.

Ерофеев понимающе кивнул:

– Все оно, конечно, так, но неужели он так болен, что не может прийти в банк завтра?

Служащие банка – народ невероятно проницательный, зачастую недоверчивый, на своем веку они повидали всяких клиентов. Работа с деньгами заставляет относиться к каждому клиенту с долей недоверия. Видно, в его голосе Ерофеев уловил какие-то чужеродные интонации; они заставили его насторожиться. Самое время поменять тактику и включить сердитость.

Нахмурившись, Григорий заговорил, демонстрируя откровенное неудовольствие:

– Послушайте, Никанор Глебович, что-то я вас совсем не понимаю. Наш работодатель Таранников заключил с вами договор, что вы допустите нас к ячейке сразу же при предоставлении ключа, а теперь вы задаете какие-то неуместные вопросы.

– Поймите меня правильно, как-то все очень неожиданно, – неопределенно протянул банкир. – А потом, конец рабочего дня, мне бы нужно созвониться с господином Таранниковым. . .

– Неужели вам непонятно, что господин Таранников не намерен приходить в банк. Поверьте мне: у него есть на это свои причины, он просто занят и отправил меня! Для общения с банковскими служащими у него имеются доверенные люди.

Григорий старался показать, что он раздражен. Главное – не переиграть, а легкий румянец на щеках будет весьма кстати.

– Хорошо, вы меня убедили, – согласился банкир. – Пойдемте в хранилище. Только позвольте все-таки взглянуть на ваш паспорт. Поймите меня верно, таковы наши инструкции.

Слегка нахмурившись, Григорий протянул паспорт.

– Берите, если это нужно.

Устроившись за стойкой, Никанор Ерофеев развернул паспорт и, быстро пролистав его, переписал данные. Уже протягивая документ, проговорил с едва различимыми виноватыми интонациями:

– Сейчас правила работы с клиентами ужесточают. Мы всего лишь исполнители. – И бодро, как бы подводя черту под неприятный разговор, произнес: – Пойдемте в хранилище!

– С удовольствием, – буркнул Григорий, стараясь унять волнение.

За металлической дверью, сделанной под темный орех, находился небольшой коридор, где, кроме служебных помещений для охраны и небольшой комнаты для переговоров, была неприметная узкая дверь – именно за ней находилось хранилище банка.

Охранник, стоявший у порога, предупредительно распахнул дверь, впустив заместителя директора с гостем в узкий коридор. За спиной мягко захлопнулась трехтонная стальная дверь, изолировав вошедших от внешнего мира. В какой-то момент Григорий почувствовал, что ему сделалось не по себе, как если бы его заперли в каземате.

В коридоре в черном костюме стоял другой охранник, столь же впечатляющей комплекции, но с легким брюшком, просматривающимся через тонкую белую ткань рубашки. Нарочито равнодушный взгляд, спокойная манера поведения свидетельствовали о том, что друзей в помещении банка у него нет, и при необходимости он свернет шею не только неизвестному клиенту, но и сопровождавшим его лицам. От подобного предположения Григорий слегка поежился.

Охранник проводил вошедших взглядом, как если бы подозревал их в разворовывании национальных сокровищ, а потом удовлетворенно кивнул и нажал неприметную кнопку подле косяка. Дверь открылась не сразу, а только после того, как заместитель директора банка набрал соответствующий код, приложив к датчикам магнитную карту. Медленно, будто бы нехотя, дверь отомкнулась, образовав небольшой проем, и пропустила в хранилище Ерофеева вместе с Григорием. И уж когда они вошли в хранилище с установленными вдоль стен ячейками, так же неслышно прикрылась, погрузив помещение в абсолютную тишину.

– Вы помните номер ячейки? – повернулся банкир к Григорию.

Еще одна проверка, записанная где-нибудь в секретных банковских предписаниях, или праздный вопрос, чтобы прервать затянувшееся молчание? А может, недоверчивый взгляд банкира ему только показался?

– Разумеется, помню, – хмыкнул Григорий. – Шестьдесят четвертый номер. Вы меня проверяете, что ли?

– Пожалуйста, приступайте, – с готовностью отозвался банкир и отошел к столу, стоявшему у противоположной стены.

В какой-то момент Григорий поймал себя на том, что ему хочется броситься к ячейке с ключами наперевес, как бойцу во время жестокой атаки, и тотчас открыть дверцу. Пришлось совершить над собой некоторое насилие, чтобы этого не сделать. Где-то над самым потолком были встроены камеры видеонаблюдения, контролирующие каждое его движение, беспристрастно фиксирующие всякий жест, мимику, незначительный поворот головы. Следовало показать, что, забирая из ячейки сокровища, он делает одолжение не только банкиру, стоявшему за спиной, не только охраннику, уставившемуся в мониторы, но и всему белому свету, что сейчас наблюдает за его движениями.

Намеренно лениво Григорий подошел к стеллажам с ячейками, стараясь не обернуться на прожигающий взгляд банкира, вставил ключ в замочную скважину и провернул на два оборота.

Замок открылся неожиданно легко. Распахнув дверцу, Григорий увидел небольшую серую сумку, придвинутую вплотную к задней стенке ячейки. Стараясь унять волнение, подступившее к горлу труднопроглатываемым комом, он умышленно неторопливо вытащил шкатулку, мысленно отмечая ее немалый вес. А потом, не удержавшись от искушения, поставил сумку на небольшой столик, стоявший подле, и вжикнул «молнией».

Последующую минуту он медленно, как если бы опасался, что яйцо Фаберже может нежданно воспарить к потолку, приоткрыл сумку и увидел на темном дне небольшую лазуритовую шкатулку. Щелкнув зажимами, он приоткрыл крышку и, невольно сглотнув, натолкнулся взглядом на яйцо Фаберже. Более совершенной вещи видеть ему не доводилось. Теперь он совсем не удивлялся желанию Алексея Павловича владеть таким сокровищем и тому, что тот способен был взирать на яйцо Фаберже, позабыв о времени. Яйцо было немногим больше двадцати сантиметров, изготовленное из перламутрового белого материала, со вставками из светлого металла, по всей видимости, платины; стояло оно на четырех изогнутых ножках, напоминающих кошачьи лапки. По обе стороны от яйца были расположены крылья, настолько изящные, что, не будь они сделаны из золота, их можно было бы принять за настоящие. А сама шкатулка, с шелковой гофрированной тканью внутри, больше напоминала удобное гнездо. Теперь понятно, почему яйцо Фаберже даже при наличии крыльев не взлетело к потолку, – просто ему было в нем невероятно удобно.

Чем дальше смотрел Григорий на яйцо Фаберже, тем сильнее впечатлялся увиденным, отмечая на эмалированной поверхности тончайшие рисунки, неприметные при беглом просмотре, как если бы мастер положил на них сплетение из золотой и серебряной паутины. Изучение артефакта, по всей видимости, заметно затянулось, потому что за спиной раздался сдержанный кашель, явно его подгоняющий.

Закрыв сумку, Григорий, не сумев сдержать торжествующей улыбки, повернулся к заместителю директора.

– Все в порядке?

– Да, все просто великолепно.

Аккуратно перехватив сумку, Григорий направился к выходу.

– Распишитесь, пожалуйста, вот здесь, – протянул банкир бумагу, останавливая клиента.

Григорий, положив бумагу на стол, размашисто поставил закорючку.

– Вы так долго разглядывали свой вклад, что мне показалось, будто бы у вас что-то пропало, – натянуто улыбнулся банкир.

Упырь лишь слабо улыбнулся. Не дождавшись ответа, Ерофеев набрал на кодовом замке несколько цифр. Дверь с легким щелчком отошла от косяка, и в образовавшийся проем Григорий увидел все того же тучного охранника. Правда, в этот раз его взгляд показался куда более приветливым.

– Прошу вас, – по-деловому сдержанно произнес банкир, пропуская вперед Григория.

Вновь оказались в небольшом коридоре, стиснутом со всех сторон полированным мрамором, – ни дать ни взять отрезанный аппендикс! Григорий поймал себя на том, что принялся считать шаги до двери – их оказалось двадцать четыре. Вторая дверь распахнулась легко, впустив в замкнутое пространство шум операционного зала.

К трем специалистам, стоявшим за высокими стойками, выстроилась куца очередь. Никто из них даже не подозревал, что в обыкновенной непредставительной холщовой сумке с металлическим замком он нес груз стоимостью в несколько миллионов долларов.

– С вами приятно было иметь дело, – повернулся Григорий к банкиру.

– Мы всегда рады помочь своим клиентам. Обращайтесь, если у вас возникнет необходимость, – любезно улыбнулся банкир.

В какой-то момент Григория охватило чувство эйфории. Ему стоило большого труда оставшуюся часть пути пройти пешком – ноги так и уносили его к машине. Не нужно выделяться из толпы: следует быть несуетливым, спокойным – за ним через десяток камер видеонаблюдения взирали внимательные глаза охранников, натасканных на разного рода нестандартное поведение.

Когда до выхода осталось всего-то с десяток шагов, в его сторону неожиданно двинулся охранник. А что, если все это иезуитский розыгрыш, и его повяжут в тот самый момент, когда он возьмется за хромированную ручку входной двери? Однако худшего не случилось – охранник безразличным взором прошелся по фигуре удаляющегося Григория и, развернувшись, направился в противоположную сторону. Взявшись за ручку двери, Григорий почувствовал, как она обожгла его кожу чувствительной прохладой. Никто не пытался его остановить, кричать в спину, не закрывал перед ним дверей. Сотрудникам банка не было до него ровно никакого дела, как, собственно, и до сумки, в которой он спокойно уносил украденную вещь.

Выйдя на улицу, Григорий почувствовал, что невероятно устал. До машины, отстоявшей от него всего-то в двадцати шагах, следовало еще дойти. Но этот отрезок показался ему таким же бесконечным, как Транссибирская магистраль. Видно, угадав настроение приятеля, Иннокентий подал машину задом и, поравнявшись, распахнул пассажирскую дверцу.

– Садись давай!

Плюхнувшись на пассажирское кресло, Григорий положил на колени сумку с артефактом.

– Поехали!

– Куда?

– Давай поехали к тебе, – устало проговорил Григорий, – а там уже прикинем, что делать дальше. Знаешь, хочу напиться!

– Как все прошло? – спросил Кеша, отъезжая от банка.

– Лучше не бывает, – расслабленно улыбнулся Григорий. – Даже сам не предполагал, что может так гладко получиться.

– Ведь должно же нам когда-нибудь повезти.

– Тоже верно.

За прошедшее с убийства время Григорий ни разу не вспомнил о Таранникове, как если бы его не было вовсе. Все его мысли занимало яйцо Фаберже, и вот теперь, когда золотой

груз с полусотней драгоценных камней на перламутровой поверхности давил его колени, он вспомнил патрона, оставшегося лежать бездыханным на полу в прихожей собственной квартиры, и сдавленно сглотнул. В их распоряжении всего-то несколько дней. Жена, обеспокоенная исчезновением благоверного, заявится в его московскую квартиру дня через два. Сначала примутся допрашивать родственников и многочисленных коллег, потом доберутся и до банка, а уж Ерофеев опишет его приметы и передаст данные паспорта. Вот тогда полиция начнет заниматься ими вплотную. Ввиду особой значимости московского чиновника будет привлечена прокуратура, а уж они умеют работать на совесть. Поэтому нужно как можно дальше уехать из Москвы. Самый подходящий вариант – Турция, куда не требуется никаких виз.

У небольшого безлюдного сквера Григорий попросил остановиться.

– Посижу на лавочке. Успокоюсь. Знаешь, до сих пор не верится, что все так фартово проскочило.

Кент остановился на обочине, подле чугунной ограды.

– Мне составить компанию?

– Хочу побыть в одиночестве.

– Понимаю.

Григорий прошел в сквер. Совершенно пустынный (весьма отраднo), только в дальнем конце, под могучими тенистыми каштанами, жалась плечами друг к дружке пожилая пара.

Вытащив из кармана телефон, Григорий быстро набрал номер:

– Павел?

– Он самый, – сдержанно прозвучало в ответ. – С кем я говорю?

– Я по делу.

– Разумеется, мне просто так не звонят. Что за дело?

– У меня есть вещь, которая вас заинтересует.

– Хм... Вот вы о чем... Меня не интересует бижутерия.

– Я говорю о весьма достойной вещи.

– Вот как... Насколько серьезной?

– Высший уровень. Артефакт.

– Что именно?

– Это не телефонный разговор.

– Понятно. Надеюсь, что это действительно так.

– Когда мы можем встретиться, чтобы вы убедились в этом?

– Давайте встретимся сегодня в ресторане «Метелица», скажем, часов в шесть.

– Хорошо, я буду.

– Как мне вас узнать?

– Мы с вами встречались. Вы меня вспомните.

– Хорошо. Буду ждать.

Выключив телефон, Григорий вернулся к машине. Устало опустившись в кресло, сказал:

– Ну, чего стоим? Поехали!

Глава 2

Продать яйцо Фаберже

– И что теперь? – спросил Иннокентий, разлив в крохотные рюмки водку.

– А что ты предлагаешь?

– Может, толкнем кому-нибудь вещицу? – с воодушевлением продолжил Кент. – Богатеньких людей в Москве немерено, среди них будет немало и таких, кто захочет прикупить яйцо Фаберже.

Григорий Карасев давно обратил внимание на странную особенность своего организма: в минуты наибольшего напряжения у него невероятно разыгрывался аппетит, и, находясь в хранилище банка, он буквально исходил слюной. И вот теперь, сварив полтора килограмма пельменей, он очередной добавкой компенсировал пережитые волнения.

Стопка водки тоже не помешает – дело-то выполнено!

Подняв рюмку, пролил тонкую струйку на пальцы и, более не испытывая свой организм, выпил махом. Глоток разлился в его желудке огненным морем, отодвинув на периферию сознания усталость.

Закусив пельменями, Григорий поднял голову и ответил:

– Ты предлагаешь взять справочник, засесть за телефон и начать обзванивать всех подряд: а не нужно ли вам, господа, яйцо Фаберже? Так, что ли?

Иннокентий слегка нахмурился: с некоторых пор в голосе Упыря стали проявляться покровительственные нотки, следовало как-то дать понять другу, что тот не прав. Но сейчас в сумке Григория лежало яйцо Фаберже, а следовательно, для спора была не самая подходящая минута.

– Зачем же ты так... Не предлагаю... Но ты сам говорил, что у тебя имеются некоторые завязки.

– Кое-какие имеются, все-таки Таранников многому нас научил... Здесь следует действовать тонко и наверняка, – в некоторой задумчивости протянул Григорий. – Шумиха нам не нужна. Нужно обратиться к проверенному человеку с реальными деньгами, который умеет держать язык за зубами.

– У тебя есть на примете такой человек? – негромко спросил Иннокентий.

Третья рюмка водки, проглоченная так же махом, не прошла бесследно. В душе установилось утраченное долгожданное равновесие. Задышалось повольготнее, как и подобает, когда важная, но трудная часть работы осталась за плечами. И даже пельмени сейчас казались не в пример вкуснее прежнего. Здесь же, на столе, в небольшой глубокой чашке до самых краев была налита сметана. Подцепив вилкой очередной пельмень, он обмакнул его в сметану и с аппетитом зажевал.

– Имеется... Это Шаталов. Уверен, что он заинтересуется артефактом.

Иннокентий нервно сглотнул, понимая, что выходить на Павла Шаталова, или Шатуна, как называли его подельники, было большим риском. Но в их ситуации другого выхода не наблюдалось. Можно было бы продать яйцо Фаберже в какой-нибудь глухой подворотне, выручив за это пару тысяч баксов, но это совершенно не те деньги, о которых они мечтали.

О Шатуне известно было немного.

Главным было то, что большую часть из своих сорока пяти лет он провел в заключении и, как поговаривали, пользовался среди арестантов немалым авторитетом. Одни говорили, что он законный, другие утверждали, что Шатун был развенчан сразу после того, как получил воровскую корону. Как бы там ни было, но личностью он был незаурядной при любом раскладе. Григорию было известно, что во время последней своей ходки, когда администрация в качестве «меры воспитания» надумала посадить его в пресс-хату к приговорен-

ным, три десятка зэков вскрыли себе вены в знак протеста. Добившись послабления режима, Шатун вскоре сделался полноправным хозяином зоны, всецело подчинив себе «барина».

– Ты с ним говорил?

– Да. Когда выходил из машины, – признался Григорий. Посмотрев на часы, сдержанно заметил: – Через час у меня с ним встреча.

– Где договорились встретиться?

– В ресторане «Метелица».

* * *

Ресторан «Метелица» находился неподалеку от Таганской площади в полуподвальном помещении, занимая едва ли не весь этаж огромного дома. Прежде на этом месте располагалось бомбоубежище, разбитое на многочисленные отсеки, каждый из которых запирался металлической дверью. В послеперестроечные времена подвал стал использоваться как полезная площадь, там, кроме весьма приличного ресторана с отменной русской кухней, размещались и просторные личные апартаменты Шатуна.

Все свободное время – когда он не занимался собиранием произведений искусств – он проводил в подвале: играл в бильярд, встречался с приятелями, попивал красное вино, а если вдруг хотелось поднять тонус хотя бы на полградуса, сушил тощее тело, прокопченное северным полярным солнцем, в сауне, устроенной сразу за личными апартаментами.

Так что поживал он вполне достойно, с лихвой восполняя все то, чего когда-то был лишен на зоне: теплое море, тропическую природу и ласку женщин. Поговаривали, что его нередко приглашали в качестве третейского судьи решать разногласия между враждующими группировками, за что он брал разумную цену, позволявшую ему содержать целый гарем из молодых провинциалок и заниматься таким дорогостоящим хобби, как коллекционирование антиквариата.

Впрочем, у Шатуна существовал и стабильный заработок: подавляющее большинство антикварных магазинов находилось под его «опекой», и ни одна серьезная сделка не обходилась без личного участия, за что он имел обговоренный процент. А в наиболее крупных магазинах, исчисляющих прибыль многими нулями, Павел Шаталов вполне официально числился научным консультантом. И на правах официального лица мог участвовать в переговорах, требующих протокола. Так или иначе, он знал весь подпольный антикварный расклад. Находился в приятельских отношениях с наиболее крупными коллекционерами, прекрасно представляя масштабы их коллекций и финансы, которыми они располагали. Так что в какой-то степени он действительно был научный консультант и в своем деле разбирался весьма обстоятельно.

Григорию было известно, что директор крупного антикварного магазина, которому однажды перепало полотно Тициана, задумал продать его, не оповестив об этом Шатуна, какому-то заморскому клиенту. С тех пор директора больше никто не видел, впрочем, как и продаваемой картины. А его магазин каким-то неведомым образом перешел в другие руки, где реальным хозяином являлся все тот же Шатун.

* * *

К ресторану подъехали точно в назначенное время, отыскав место рядом с входом.

– Я пойду один, – объявил Григорий.

– Вдвоем будет надежнее, – заметил Иннокентий.

– Нам ни к чему засвечиваться вдвоем.

– Может, ты и прав, – неохотно согласился Кент.

– Ладно, пожелай мне удачи, – произнес Григорий и, дождавшись напутствия, вышел из салона.

Узкая крутая лестница, уводящая вниз, поначалу вызывала гнетущее впечатление, невольно возникала мысль, что спускаешься в преисподнюю, где черти правят балом (в таком месте запросто могли быть грешники в кипящих котлах). Но когда была преодолена последняя ступень, то в глаза тотчас ударило обилие света: освещен был едва ли не каждый миллиметр подвальной площади. Невольно верилось, что под землей тоже бурлит жизнь. А далее через небольшой коридор простирался зал ресторана, где в самом углу, стены которого были расписаны под тропический лес с разноцветными райскими птицами, расположился Паша Шатун (надо признать: вполне подходящее местечко для Мефистофеля). Рядом с ним в дорогих серых костюмах из тонкой ткани сидели два человека и в настороженном ожидании взирали на приближающегося Григория. На столе, покрытом белоснежной скатертью, стояли распечатанная бутылка водки, простенькая закуска из кусков тонко нарезанной селедки и нескольких крохотных малосольных огурчиков, лежавших поодаль. На первый взгляд – обычные клиенты, собравшиеся после рабочего дня, чтобы пропустить по рюмочке водки да поговорить о насущном. В действительности мужчина лет сорока, с ранней сединой на висках, был смотрящим Центрального округа, а вот другой, чуток постарше, с высохшим лицом и строгим взглядом, служил в центральном аппарате полиции. Какая оказия свела их за одним столом, оставалось только догадываться. Со стороны – милая беседа состоявшихся людей. Шатун держался с генералом на равных, не испытывая робости ни перед его тяжелыми полицейскими погонами, ни перед возможностями, что давала большая власть. Со смотрящим тоже держался доброжелательно. Судя по всему, их связывало нечто большее, чем выпивка на троих, – какие-то совместные дела.

В какой-то момент Григорий уже пожалел о том, что спустился в ресторан, смутно предчувствуя, что разговор с Мефистофелем ни к чему хорошему не приведет. Да и время не самое подходящее, чтобы встречать в завязавшийся разговор. Но неожиданно полицейский генерал посмотрел на часы, слегка поморщился, явно выражая неудовольствие к расточительству служебного времени, и сипато пробасил:

– Все, Паша! Пора идти! Меня уже заждались.

– Заходи, если что, – по-простому откликнулся Шатун. – Можешь на меня рассчитывать.

Согласно кивнув, тот бодро отозвался:

– Хорошо, сочтемся при случае.

– Ладно, мне тоже нужно выбирать, – поднялся следом смотрящий.

И вместе, соприкоснувшись плечами, как старые добрые приятели, потопали к выходу. У самых дверей раздался их сдержанный смех – результат дружеской беседы.

– Ты ко мне? – спросил Шаталов, налив себе еще одну рюмку.

Шатун был из той породы людей, что не позволяют спиртному выдохаться, и уж если бутылка открыта, то ее содержимое должно отыскать подходящую утробу.

– К тебе, – ответил Григорий.

– Кажется, я тебя где-то видел.

– Возможно. Москва город маленький.

– Как тебя зовут?

– Григорий.

Ломая собственное нутро, Карасев старался выдержать строгий немигающий взгляд.

Григорию нехоти вспомнилось, что свое погоняло Шатун получил во время второй отсидки на «красной» зоне, когда бригадир (ссучившейся блатной) вместе с двумя подручными хотели приучить его к труду – валить лес. Вооружившись заточкой, он нанес им по три колотые раны. После этого случая его не трогали, и Шатун, как и полагается блатному, зажил

в своем закутке. К его и без того немалому сроку добавилось еще восемь лет. Но вряд ли он, являясь стопроцентным «отрицалой», хотя бы на миг усомнился в содеянном. От его непроницаемого лица веяло какой-то скрытой угрозой. Его лицо всегда оставалось неподвижным, как у манекена, вот только из глубины глазных орбит проглядывала опасность. Его можно было сравнить с медведем, который ни рыком, ни взглядом, ни обнаженными клыками не предупреждает о своем намерении напасть. Просто поднимает когтистую лапу и надвое рвет намеченную жертву.

Никогда нельзя было понять, как Паша Шатун может поступить в следующую минуту: не то ободряюще улыбнется, не то ударит по лицу.

– Понятно, – тускло отозвался Шатун. – Ну а меня ты, думаю, знаешь.

А потом, лихо опрокинув в себя рюмку водки, осторожно, как если бы опасался взять излишек, отломил от маленького огурчика крохотный кусочек и бережно положил в рот. Такое действие не походило на банальное поглощение пищи, Паша Шатун не просто ел, он священнодействовал. И в ресторанном застолье выглядел настоящим шаманом. Взглянув, с каким аппетитом вор захрустел малосольным огурчиком, Григорий невольно слотнул.

– Знаю.

– Да ты присаживайся, – по-свойски махнул Шатун в сторону свободного стула, стоявшего напротив. – Может, принять хочешь? А то на сухую перетираться не в кайф!

– Ничего... Я привычный.

– Хвалю! А я вот последние двадцать лет без этого пойла никак не могу. Куда ни глянешь, кругом одна серость, – проговорил он, поморщившись, – а так примешь на грудь граммов сто пятьдесят, и все эта чертовщина перед глазами как будто бы куда-то улетучивается. И, знаешь, начинаю верить, что впереди у меня еще лет двадцать пять радостной жизни.

Григорий едва заметно улыбнулся – перед ним сидел философ. Поговаривают, что первую пятилетку заключения он провел в одиночной камере, а каменный мешок весьма способствует глубокомысленному настрою.

– Возможно, так оно и есть, – сдержанно согласился Григорий.

– Так что там у тебя?

– Я хочу продать одну уникальную вещь, – со значением произнес Григорий, – она очень дорогая.

– Понимаю, – кивнул Шатун, внимательно разглядывая собеседника. – Иначе ты не стал бы меня беспокоить. Верно? Что это за вещь?

В его благообразной внешности не было ничего от закоренелого рецидивиста с многолетним стажем в зоне особого режима. Аккуратно седеющая шевелюра, столь же безупречно подстриженная бородка; на тонкой переносице хрупкие очки с квадратными небольшими стеклами. На первый взгляд обычный интеллигент какого-нибудь научного центра, озабоченного тем, чтобы продвинуть отечественную науку. Трудно было поверить, что год назад во время такого же задушевного разговора он сломал табуретку о голову своего собеседника.

– Это яйцо Фаберже, – как можно нейтральнее произнес Григорий.

Откинувшись на спинку стула, Шатун вновь потянулся к рюмке и, обнаружив, что она пуста, щедро плеснул до самых краев. Некоторое время он любовался рисунком на гладкой хрустальной поверхности. К своему немалому изумлению, Григорий увидел, что это был двуглавый орел. Совсем не тот, что гнездится в каждом чиновничьем кабинете, иной породы, величественной, какой бывает лишь на императорской царской посуде. Распластав золоченые крылья, орел уверенно и строго посматривал на захмелевшего Шатуна и, кажется, не одобрял его пристрастия к зеленому змию. Присмотревшись к посуде, Григорий, к немалому своему изумлению, обнаружил, что все столовые приборы, включая ложки с вилками, имели клеймо царского дома.

Может, новодел?

Вряд ли! Человек такого калибра, как Паша Шатун, на дешевые рисовки не способен. Несolidно как-то, не по чину! На белое сукно ресторанный стол царская посуда легла прямо из Эрмитажа. Такие приборы выставляются лишь по особому случаю, для гостей весьма примечательных.

– Надеюсь, я не ослышался? – переломил Шатун очередной огурчик.

Заведение пользовалось спросом, понемногу заполнялись столы, в основном молодежью, посчитавшей особым шиком перекусить в городских катакомбах.

– Нет. Изделие самое что ни на есть реальное. Шедевр!

Шатун хмыкнул:

– Извини меня, конечно, за откровенность, но ты не производишь впечатление состоятельного человека. Как же оно к тебе попало?

Григорий предвидел подобный вопрос. Он даже заготовил для него весьма правдоподобные версии, главная из которых – получил наследство от почившей прабабушки. Но, глядя в глаза Шатуна, строгие и весьма внимательные, осознал, что всякое неправильное высказывание не прокатит – разобьется о его холодный настороженный взгляд. Вор был не из тех людей, что принимают слова на веру. В разговоре с такими людьми лучше чего-то недоговаривать, чем «гнать откровенную пургу».

– Я его заработал, – туманно произнес Григорий.

– И как же можно заработать яйцо Фаберже? Научи. Может, мешки разгружал в магазине?

– Оно мне досталось от одного человека.

– Предположим... Как выглядит это яйцо?

Шатун, приготовившись к обстоятельному разговору, выдернул из пачки сигарету и вставил ее в уголок рта.

– Оно небольшое, сантиметров двадцать, – уверенно начал Карасев, представив яйцо. – Подставка в виде четырех золотых ножек, инкрустировано слоновой костью со вставками из платины, на вершине яйца императорская корона... Но разве это важно?

Страхнув пепел на край блюдечка, Шатун заговорил тоном лектора, вдалбливающего истину нерадивому студенту.

– Понимаешь, Григорий. Всего известно семьдесят одно пасхальное яйцо Фаберже, однако до наших дней дошло всего лишь шестьдесят два. Пятьдесят четыре яйца сделаны непосредственно по императорскому заказу, из них до наших дней сохранилось всего сорок шесть. Остальные считаются безвозвратно утерянными. Они известны лишь по фотографиям, зарисовкам, счетам. Я немного разбираюсь в этом вопросе и знаю, где находится каждое из них. Многие из них мне приходилось видеть лично... Вот только по описаниям ни одно из них не подходит на то, которое ты мне назвал. А из этого вытекает, что ты пытаешься впарить мне откровенную туфту. – Задумавшись, продолжил: – Или, что маловероятно, объявилось еще одно, о котором специалисты не имеют никакого представления. Если это действительно так, то хочу тебя поздравить. Тебе невероятно повезло!

– Оно действительно настоящее, на нем имеется клеймо фирмы Фаберже, подделать его невозможно, – покачал головой Григорий.

– Мне интересно было бы взглянуть на это яйцо.

– Сначала мне бы хотелось определиться по цене.

– Ага, вижу, что наш разговор вступает в завершающую стадию. Какая же твоя цена?

– Два миллиона долларов.

– Хм...

– Для такой серьезной вещи это немного, в действительности оно может стоить раз в десять дороже.

– Возможно. И когда именно ты хочешь получить такие деньги?

– Завтра. Если мы не договоримся, я буду искать другого покупателя.

Зал все более наполнялся народом. Становилось шумно. Однако никто из вошедших не стремился устроиться по соседству, как если бы догадывались, что разговор зашел о миллионах долларов.

– Согласен с тобой, что за яйцо Фаберже два миллиона – вполне разумная цена. Но, сам понимаешь, такие деньги в одночасье не извлекаются. Они не лежат у меня где-то в мешке под кроватью, откуда я всегда могу их извлечь. Тебе ведь нужны не акции, я так понимаю... А живые деньги!

– Совершенно верно.

– Деньги вложены у меня в дело, я должен их оттуда вытащить безболезненно для дела, а для этого нужно некоторое время.

– Я не могу долго ждать.

– Возможно, долго ждать и не придется, – примирительно сказал Шатун. – Мне нужно три дня! Устроит?

– Хорошо, – после некоторого колебания согласился Григорий.

– Но мне нужны неоспоримые доказательства того, что артефакт не подделка.

– Доказательства будут, – сдержал вздох облегчения Григорий: переговоры проходили как нельзя лучше. Вот что значит хорошо подготовиться! – Завтра я принесу снимки яйца Фаберже, сфотографирую клеймо.

– Разумное предложение! Тогда и поговорим пообстоятельнее. – Губы вора сложились в подобие улыбки. – Ты уж извини, что я тебя не провожаю. Доберешься как-нибудь сам, – и, кивнув на водку, оставшуюся на дне бутылки, добавил: – Пока не выпью, не поднимусь.

– Ничего, как-нибудь сам доберусь, – успокоил Григорий, направляясь к выходу.

* * *

Желание допивать водку как-то сразу улетучилось, да и хмель мгновенно пропал, едва он услышал о яйце Фаберже. Обычно такими вещами не шутят, легко проверить. А в этот раз на него вышла удача. Забубенная и невероятно прекрасная в своей бестолковой наготе. Столь откровенное везение бывает всего-то однажды в жизни.

Странно было другое.

За последнюю неделю он уже второй раз слышал о пасхальном яйце Фаберже. О нем ненароком обмолвился Таранников, когда они случайно пересеклись в ресторане «Метрополь». Весьма осторожный, избегающий говорить лишнего и с подозрительностью относящийся ко всяким новым знакомым, он вдруг разоткровенничался, заявив, что на днях должен приобрести нечто удивительное. На некоторое время Таранников вдруг замолчал, как бы оставляя разговор в прошлом, но затем, видно, разрываемый изнутри нахлынувшим тщеславием, проговорил, широко растянув полные губы:

– Послезавтра мне принесут яйцо Фаберже.

Видно, осознав, что наговорил ненужного, предпочел перевести разговор на общих знакомых.

Артефакт упоминался дважды. Такие вещи не бывают простым совпадением... К чему бы это?

Допив водку, Шатун пошевелил пальцем. От соседнего стола отделился невысокий неприметный человек с короткой стрижкой и подошел к столу.

– Пикассо...

– Да, Павел Петрович.

– Вот что... Ты срисовал того щегла, что ко мне подвалил?

– Да, – негромко ответил короткостриженный, слегка наклонив голову.

- Проследи за ним.
- Сделаю.
- Как пробьешь адрес, отзовишься.

В действительности Пикассо звали Вадим Кручина. К великому художнику он не имел никакого отношения, родственников в Испании у него тоже не наблюдалась (да и откуда им там взяться, если был он подброшен в детдом полуторагодовалым младенцем), да и вообще был весьма далек от сюрреализма, модернизма, кубизма и прочих издержек современного искусства. Единственное, что ему хорошо удавалось, так это запоминать людей, входящих в заведение, – иначе, «срисовывать». Отсюда и погнало Пикассо. Некоторых из клиентов, сверкавших лопатниками и представлявших интерес, он выслеживал, о чем лично докладывал Шатуну.

Пикассо незаметно вышел, как если бы растворился в клубах табачного дыма.

Подняв телефон, лежавший на столе, Павел Петрович набрал номер. В ответ прозвучали длинные гудки. Некоторое время он еще надеялся, что абонент все-таки отзовется, а когда стало ясно, что не суждено, – нажал кнопку «отмена». Правый уголок рта дрогнул: «Ах, вот оно что!»

Оставалось только убедиться в дурных предположениях.

Поднявшись, Шаталов зашагал в сторону выхода. Навстречу боссу, отделившись от стены, двинулся габаритный угрюмого вида мужчина с литыми плечами – его водитель, одновременно выполнявший и роль телохранителя.

- Куда едем, Павел Петрович? – негромко спросил он.
- Вот что, Макар, давай поехали на шоссе Энтузиастов.
- Как скажете.

Распахнув перед Шатуном дверь, Макар удивительно расторопно для своей массивной фигуры обогнал шефа и первым прошел на лестницу.

* * *

Большую часть пути Шатун проспал. Наблюдалась за ним такая особенность. Стоило ему лишь разместиться в кресле автомобиля, как тотчас на него наваливалась густая дрема, справиться с которой не было никакой возможности. Иной раз, открывая глаза, Павел Петрович видел лишь мелькание светящихся витрин, заставленных манекенами, спешащих пешеходов и бесконечный поток автомобилей. Хотя со стороны он мог выглядеть бодрствующим, даже глаз как будто бы не закрывал. В таком полузабытьи имелись определенные плюсы: пятнадцать минут дремы давали ему заряд бодрости на оставшиеся сутки.

Шатун мог ночи напролет передвигаться от одного заведения к другому, совершенно не ведая усталости, мог по нескольку дней не спать, простаивать на ногах, а некоторые из его приятелей вполне искренне считали, что он не спит вовсе.

Такая привычка у Павла Петровича выработалась двадцать лет назад, когда его поместили в пресс-хату к отверженным. Каждому из них арестантский мир уже вынес смертный приговор: единственное место, где они могли выжить, были изолированные камеры, тщательно охраняемые тюремной администрацией. К ним «на воспитание» отправляли наиболее упрямых отрицал. Изнасилованные, со сломленной волей, они впоследствии так же пополняли пресс-хаты, понимая, что дверь в воровское братство для них захлопнулась навсегда, невзирая на прежние заслуги. А зачастую именно они становились самыми деятельными участниками пресс-хат, как если бы в лице отрицал мстили всему воровскому миру. По замыслу тюремной администрации, Шатун должен был пополнить их ряды.

Формула выживания была проста – не спать!

Вооружившись заточкой, Шатун готов был в любую секунду отразить нападение. Отверженные, набравшись терпения, дрыхли по очереди, карауля его шконку. Паша знал, что достаточно ему лишь на мгновение смежить веки, как на него со всех сторон набросятся отщепенцы. Он тотчас будет сломлен, повержен, унижен и выброшен в изгой, чего не мог допустить, а потому он со злобой взирал на каждое подозрительное шевеление в камере.

В пресс-хате он сумел выжить, продержавшись без сна десять дней (потом еще долго не мог отделить реальность от грез). Вышел он еще более закаленным, получив несерьезное ранение в бок в тот самый момент, когда всего лишь на секунду смежил глаза (но именно этот удар спас его от дальнейшего бесчестия, пробудив). Разлепив глаза, Шатун прямо перед собой увидел изрезанное глубокими морщинами лицо, плотоядную щербатую улыбку – в глубине рта просматривались металлические зубы, – и ударил шилом под самый подбородок.

После десяти дней, проведенных без сна, в его организме произошли какие-то серьезные трансформации. Потеряв навсегда полноценный сон, Шатун компенсировал его тоннами прочитанных книг, сыгравших в его судьбе определяющую роль. Совершенно неожиданно для себя Павел сделал открытие, уяснив, что, кроме хорошей закуски и услужливых халдеев, имеется еще другая сторона бытия, куда он ни разу не захаживал: мир антикварных вещей. И однажды, заглянув в него ненароком, по воле случая, воровски, очарованный настоящим искусством, он уже не пожелал возвращаться обратно, сделавшись его преданным слугой. Здесь ему было до чрезвычайности удобно и комфортно, как младенцу в утробе матери.

И все-таки он никогда не отрекался от своей прежней криминальной жизни, помнил свою воровскую специальность – домушник.

Приоткрыв глаза, Шатун скомандовал:

– Макар, останови на углу вон того дома.

Водитель послушно притер машину к тротуару и в ожидании посмотрел на него, ожидая дальнейших распоряжений.

– Сиди здесь и дожидайся меня.

– Может, помочь, Павел Петрович? – с готовностью вызвался водитель.

Хмыкнув, Шатун ответил:

– Ребра никому ломать не нужно... В этом деле я разберусь как-нибудь без посторонней помощи.

В квартире Таранникова ему приходилось бывать дважды. Первый раз тот пригласил его к себе полтора года назад, когда ему серьезно прижали хвост какие-то нахальные гастролеры, после того как он продал картину Айвазовского за полтора миллиона долларов.

А случилось это так. Два интеллигентных человека с обворожительными улыбками и большими черными пистолетами потребовали у него половину вырученных денег. В полицию Алексей Таранников не мог пойти по той простой причине, что картина, приобретенная нелегальным путем, числилась в розыске. Так что в случае заявления в полицию он, кроме денег, мог потерять и свою деловую репутацию, а также вылететь с хлебосольной службы. Пришлось обратиться к своему старинному приятелю Шатуну, с которым имелась пара совместных проектов на сумму двести пятьдесят тысяч долларов и который чувствовал себя в криминальной среде куда вольготнее, чем карась в мутной воде.

Выслушав жалостливое повествование приятеля, Шатун милостиво согласился. Разумеется, подобная любезность стоила некоторых издержек, но это куда меньше того, что запрашивали милые интеллигентные люди с замашками отпетых гангстеров.

Паше Шатуну достаточно было лишь нарисоваться в обществе Таранникова, как от залетных ухарей остались только худые воспоминания. Похоже, они достаточно были

наслышаны о его тюремных подвигах и о методах разговора с недоброжелателями, а потому просто не отваживались искушать судьбу.

Во второй раз Паше Шатуну довелось побывать в квартире Таранникова две недели назад, когда ему самому потребовалась содействие: захотелось прикупить неподалеку от Москвы землицы гектаров пять, где можно было бы построить дом, на крылечке которого достойно встретить надвигающуюся старость.

О решении префекта Таранников обещал сообщить вчерашним вечером, однако звонка от него Шатун так и не дождался. Подошел вполне подходящий случай, чтобы напомнить о себе.

Поднявшись на второй этаж, где располагалась квартира Алексея Таранникова, Шатун коротко позвонил в дверь. Однако квартира встретила гробовым молчанием. Кроме этой хаты, Таранников имел еще небольшой особняк за городом, где и пребывало его немногочисленное семейство – жена с дочерью. А эту квартиру он прикупил для частных встреч. Сегодня была пятница, время для частных визитов, и оставалось только гадать, почему же он не открыл.

Что-то здесь было не так.

Отступив на полшага, Павел Шаталов осмотрел лестничный пролет: убедился, что подъезд оставался пустым, лестница свободна, никто не сверлил его заинтересованным взглядом, не ждал, когда он вломится в чужую квартиру.

В общем, все, как и полагается.

Достав из внутреннего кармана перчатки, он аккуратно натянул их на гибкие тонкие пальцы. Затем отцепил от ремня связку отмычек. Шатун, к своему немалому удивлению, вдруг почувствовал некоторое волнение. Нет, его руки работали так же привычно, без предательской дрожи в пальцах, вот только сердечко пресильно стучало в грудную клетку, как если бы просилось наружу.

Подобрав нужную отмычку – тонкую, как шило, с тремя насечками на самом конце, Шатун просунул ее в замочную скважину и, повернув, с удовольствием отметил, что зубчики зацепились за вороток, а потом достал еще одну, столь же изящную, и просунул в отверстие. После чего с нажимом повернул. Раздался знакомый щелчок, как если бы замок поприветствовал вошедшего, и дверь мягко приоткрылась. Вытащив отмычки, Шатун вошел в темный коридор. И сразу увидел в дальнем конце прихожей распластанный на линолеуме труп.

Первое, что пришло в голову, – выскочить из квартиры и, не оглядываясь, покинуть подъезд. И вместе с тем присутствовало любопытство, не умершее в столь скверной ситуации, даже как будто бы, наоборот, подзадорившее его к очередному безрассудному шагу. Победило второе – приблизившись, Шатун приподнял окровавленную голову убитого и тотчас натолкнулся на холодный невидящий взгляд.

Это был Алексей Таранников. Все, плакали пять гектаров!

– Дьявол! – невольно выругался Шатун, отступив назад.

Осторожно приоткрыл дверь, вышел на лестничную площадку и уверенным шагом сошел по лестнице. Подъезд оставался по-прежнему безмолвным, ничто не свидетельствовало о состоявшемся убийстве. На подоконнике подъезда успокаивающе курлыкали голуби.

У самого выхода из подъезда Шатун едва не столкнулся с тучной старухой лет восьмидесяти, жидкие седые волосы были завязаны в тугой узел на затылке.

– Вы не из управления? – вцепилась она в Шатуна пытливым взглядом.

– Нет, женщина, я из горгаза, – буркнул Шатун и, приподняв воротник, скорым шагом заторопился к машине.

– Чего стоим? – плюхнулся он в мягкое кресло. – Поехали!

Макар, чувствуя скверное настроение босса, лишь кивнул и, уперев взгляд в лобовое стекло, тронулся с места.

Достав пачку сигарет, Паша Шатун почувствовал, что пальцы заметно подрагивали. Скверно, однако... В прежние годы, как бы его ни мяли обстоятельства, с какой бы силой ни тянули нервы, тело до самой последней клетки оставалось послушным.

Неужели стареет?

Вытащив из пачки сигарету, Шатун тщательно размял слежавшийся табак, потом с силой воткнул ее обратно. Для произошедшего было бы кстати что-нибудь покрепче.

– Макар, у тебя водка есть? – повернулся он к водителю.

– Водка? – невольно удивился верзила. Не так уж часто шеф спрашивал у него спиртное.

– Да. Выпить хочу.

– Водки нет... Есть вино, – ответил тот несколько сконфуженно. – К подруге собирался, сказала, возьми какого-нибудь хорошего вина, желательного итальянского. Вот и взял...

– Тормози, – распорядился Шатун.

Водитель послушно прижался к обочине.

– Доставай вино!

– Павел Петрович, может, заедем в магазин, возьмем что-нибудь подходящее.

– Не надо, – сухо сказал Шатун, – а потом, я давно не пил итальянского вина. Не переживай, до кабака доедем, я тебе подберу что-нибудь подходящее.

Пошуршав пакетами в объемной сумке, Макар извлек красивую пузатую бутылку вина со скромной серой этикеткой, на которой был нарисован средневековый замок. Похоже, настоящее качество в роскошной обертке не нуждается. Стараясь не расплескать вино, Шатун продавил отмычкой внутрь пробку, а потом жадно, как если бы изнывал от жажды, приник полными губами к узкому горлышку. Выпив вино до самого дна, он открыл дверцу и аккуратно поставил бутылку на бордюр.

– Ну, чего мы стоим? – посмотрел Шатун мутным взглядом на Макара. – Поехали!

– Куда?

– Вези до хаты, а там разберемся.

Глава 3

Сваливаем побыстрому

В жизни зачастую случается, что одна встреча может предопределить судьбу на долгие годы, а то и на целую жизнь. Еще вчера он едва наскребал на ужин в ресторане, а уже завтра сумеет скупить целый банкетный зал. Да что там зал! Можно будет скупить целый ресторан со всем обслуживающим персоналом!

Адреналин, закипавший в крови, искал выхода, и Григорий невольно сдерживал себя, чтобы не пуститься к машине вприпрыжку. Вот было бы зрелище! С показной ленцой, уверенный в том, что за ним наблюдают из окон, он вышел из ресторана и поймал себя на том, что распланировал жизнь на ближайшие десятилетия. То, что виделось его богатым воображением, было прекрасно и очень аппетитно на вкус. Ведь он даже и помыслить не мог о том, что когда-нибудь может стать состоятельным человеком. Полагал, что его судьба – распахивать двери перед большими людьми, а оно вот как повернулось.

– Как оно прошло? – спросил Иннокентий, когда Григорий, сладко затаившись, выпустил тоненькую струйку дыма через приоткрытое окно.

Встречный ветер, ворвавшись в салон, порвал дым в клочья.

– Лучше не придумай. Через три дня мы получим свои миллионы.

– Даже не верится.

– Мне тоже... Вот я думаю, почему же у меня так скверно складывается жизнь? Почему одним все, а другим ничего? Почему мне всякий раз приходится корячиться из-за какой-то копейки? Пресмыкаться, прислуживаться! Угодать каким-то ничтожествам. Все время находятся люди, которые оказываются круче тебя, голосистее, а если к ним присмотреться, так у них за душой ни хрена нет!

– Так оно и есть. Но что поделаешь, жизнь так погано устроена... Ты придумал, что будешь делать со своими деньгами? – по-деловому спросил Иннокентий, надавив на педаль газа.

С правой стороны сердито прозвучал клаксон наезжавшего автомобиля. Губы Иннокентия растянулись в блаженной улыбке. Чувство эйфории накрыло его с головой: будь у него крылья, непременно воспарил бы к небесам, а так приходится нажимать на педаль газа. По собственному опыту Григорий знал, что эйфория столь же опасна, как и глубочайшее уныние. Напрочь отключается чувство самосохранения, и опасность видится такой же отдаленной, как Млечный Путь. Парня следовало попридержать, пока он не поцеловался со встречным транспортом.

– Не гони так сильно, не хватало нам еще приключений. Знаешь, я бы хотел еще пожить богатым человеком.

Иннокентий послушно сбавил газ.

– Осознал.

Машина аккуратно двинулась в общем потоке. По напряженному лицу приятеля Григорий понимал, что неспешная езда дается ему с трудом. Ничего, пусть перетерпит.

– Когда получу деньги, наверное, напьюсь. Возьму самого дорогого коньяка, какой только будет, и выпью в полнейшем одиночестве. А ты что?

– Поеду куда-нибудь отдохнуть. А то корячишься тут на разных уродах и совсем о себе не думаешь!

Как-то мимоходом Григорий вспомнил об Алексее Таранникове, лежавшем в коридоре на полу. О прежнем работодателе он подумал как о какой-то потерянной и незначительной вещи. Будто бы убивал его кто-то другой, очень похожий на него самого.

Теперь он другой, переродившийся, знает, что нужно делать, и прекрасно представляет, какие блага ожидают его в ближайшем будущем. Он, как палеозойское членистоногое, которое сбрасывает с себя старый панцирь, чтобы вскоре заполучить новый, еще более крепкий и удобный, в котором начнет другую жизнь, интересную, активную и столь не похожую на прежнюю. И будет жить для того, чтобы заполучить все те блага, что преподносит жизнь богатому человеку.

– Ты вспоминаешь Таранникова? – спросил Григорий.

Иннокентий с удивлением посмотрел на приятеля: вопрос застал его врасплох. Алексей Таранников перестал для него существовать, едва он покинул квартиру. С прежней жизнью он расстался, как с битой картой. Вот только новую создать пока что еще не удалось.

– Знаешь, нет... Как будто бы его и не было.

– У меня такое же чувство, – хмуро обронил Григорий. – Не к добру это... Ладно, выходим. Приехали!

* * *

«Тойота», прибавив скорость, свернула в правый переулок. Пикассо, стараясь не обнаружить себя, держался на значительном расстоянии. В салоне автомобиля было двое: водитель, остроносый худой тип, и недавний гость Шатуна, устроившийся на пассажирском кресле. Похоже, они и мысли не допускали о том, что за ними кто-то увяжется. Не спеша двигались в потоке автомобилей, даже не пытаясь совершить какой-нибудь хитрый маневр или просто перестроиться. Заскучав, Пикассо едва не ткнулся капотом в их багажник. Обошлось без поломок. Скоро «Тойота» подрулила к пятиэтажному панельному дому. Совершенно не таясь, почти одновременно, они вышли из салона. Подождав, пока парни войдут в подъезд, Пикассо устремился следом. Где-то на уровне третьего этажа раздавались их возбужденные голоса – такое настроение случается лишь после того, как сорвешь джекпот!

Интересно, о чем таком они разговаривали с Шатуном?

Вжавшись в стену, Пикассо стал подниматься по ступеням. Хрустнувшая под ногами скорлупа грецкого ореха эхом отозвалась в каждом уголке подъезда. Даже если бы небо обрушилось на землю, то оно не прогремело бы сильнее, чем поломанная скорлупка.

Увлеченные разговором, парни не обратили на звук внимания. Слегка отпрянув от стены, Пикассо увидел, как остроносый что-то энергично доказывал своему приятелю, активно размахивая руками. Прислушавшись, он понял, что речь зашла о деньгах, – назывались невероятные суммы, от которых в горле у Пикассо невольно запершило. Спор вступал в пиковую фазу – громыхни рядом фугас, вряд ли бы они его услышали.

Заглушая скрежет ключа в замочной скважине, басовито гудел гость Шатуна. Наконец дверь открылась, едва скрипнув, и оба прошли в квартиру. Через закрытую дверь глухо прорывались наружу голоса, а потом наступила тишина.

Запомнив номер квартиры, Пикассо вышел во двор и вытащил телефон.

– Слушаю тебя, – раздался глуховатый голос Шатуна.

– Они зашли на Ярославскую, двадцать шесть.

– Тебя не засекли?

– Я же как мышка, – весело отозвался Пикассо.

Шатун, пребывав в благодушном настроении, так что можно было и пошутить.

– Тоже мне мышка, – буркнул Павел. – Вот что, Пикассо, оставайся на месте. Мы скоро подъедем. Мало ли еще куда вздумают отъехать.

– Понял.

– Глаз с них не спускай!

– Не переживай, Шатун, все будет путем.

* * *

Не удержавшись, Григорий вновь открыл шкатулку, чтобы уже в который раз полюбоваться на яйцо Фаберже. Расставаться с изделием не хотелось. Видно, подобное чувство испытывал всякий, кто владел такой несравненной вещью. Даже шкатулка, выделанная изнутри шелковой гофрированной тканью темно-зеленого переливчатого цвета, выглядела верхом совершенства. В какой-то момент мелькнула бесшабашная мысль: «А что, если оставить яйцо Фаберже у себя!» Но она тотчас утонула в море всевозможных желаний, что сулили деньги, вырученные от продажи артефакта.

– Хорошая штука? – спросил Иннокентий, стоявший за спиной.

Григорий Карасев невольно нахмурился. Разглядывая яйцо Фаберже, он погрузился в сферу прекрасного, на какое-то время позабыв об окружающем мире, и голос, прозвучавший у самого уха, болезненно вернул его в реальность.

– Не то слово! Я вот что подумал. А может, нам припрятать пока это яйцо. Черт его знает, как там может сложиться? Замки в твоей квартире не самые надежные. Ты же сам знаешь, если хорошему домушнику дать «наколку», так он вскроет и не такую дверь.

– Тоже верно. Он за пять минут может бронированную дверь надломить, за это время в подъезде никто и не объявится. В Москве сейчас столько разного рода залетных и гастролеров всех мастей, что просто диву даешься!

– Гробанут и даже не поймешь, кто сделал. И куда ты предлагаешь спрятать? – Григорий критически осмотрел комнату.

Обыкновенная панельная хрущевка, какие в нынешние времена идут под снос. Комната величиной с чулан, и нужно очень постараться, чтобы не ободрать себе плечи. Каждый уголок на виду, просматривался всякий предмет. В комнате не было ничего такого, за что можно зацепиться хотя бы взглядом.

– Лучше спрятать в ванной комнате. Под ванной есть пустое место, замуруем его кирпичами. Кажется, у меня где-то еще и цемент остался.

Поднявшись, Иннокентий прошел на кухню и, громко хлопнув дверцей шкафчика, обрадованно объявил:

– Точно. Есть! Десяток кирпичей вполне хватит. Ну, чего стоишь? – прикрикнул он на приятеля, продолжавшего замороженно взирать на изделие. – Принеси яйцо, только не урони!

Бережно уложив яйцо Фаберже в шкатулку, Григорий завернул ее в толстое полотенце и зашагал в ванную комнату.

Склонившись, Иннокентий высветил зажигалкой дальние углы. Удовлетворенно хмыкнул:

– Отсюда его не так-то просто будет извлечь... Разве только ломом. Ну а если они все-таки надумают ломать, грохоту будет на весь дом! Давай его сюда, – протянул он ладони. Артефакт принял осторожно, как грудное дитя, и, вжавшись в пол, протолкнул шкатулку в самый угол. – Теперь ему никуда отсюда не деться. Чего стоишь? Неси кирпичи, они у меня на балконе стопкой сложены. А я пока раствор замешаю.

* * *

С некоторых пор Шатун стал тяготиться одиночеством. Теперь, когда он был один, оно казалось ему страшнее всякой пытки. Пустого трепана он также не переносил, просто нуждался в человеке, с которым можно было бы помолчать на пару. И, кажется, такую женщину удалось отыскать: тридцатилетняя приземистая девка с румянцем во всю щеку и креп-

кими тренированными в домашней работе руками. Улыбчивая, незлобивая, она умела поднять настроение в самую скверную минуту. И вот сейчас, разглядев в его равнодушном лице какую-то нешуточную заботу, не спешила навязываться с вопросами, а лишь терпеливо дожидалась, когда Шатун снимет с себя пиджак.

Повернувшись к водителю, стоявшему здесь же, в коридоре, Шатун обронил:

– Макар, куда не уходи. Будь здесь!

– Хорошо.

Клавдия обратила на себя внимание лишь тогда, когда Шатун прошел в комнату и, громко пододвинув к себе стул, присел.

– Паша, тебе принести селедочки?

Клавдия удивительным образом умела предугадывать все его желания. К этому у нее был настоящий талант! Ну откуда она могла знать, что ему сейчас захочется опрокинуть стопочку, закусив ее ядреной норвежской малосолкой! И странное дело, теперь Шатун понимал, что за кусок жирной селедки готов был отдать душу дьяволу.

– Принеси, – согласился он. – И еще...

– Хорошо, принесу, но только маленькую рюмочку, – продолжила Клава.

Шатун невольно усмехнулся: девка не только умна, но еще и чрезвычайно хитра. Сам он не прочь был выпить целый стакан горькой. Мысленно он даже представил, как тонкие прохладные струйки потекут через край, заливая ладони и рукава. Может быть, она и права... Во всем нужна мера. День предстоит длинный. Еще неизвестно, в какую сторону он может повернуть, а голова должна быть здоровой.

– Хорошо, давай рюмку.

Через минуту Клавдия предстала с подносом в руках, на котором в небольшой тарелке лежала мелконарезанная селедочка с репчатым лучком, как раз такая, какую он предпочитал. А рядом с запотелыми боками стояла рюмка очищенной. Выпил не поморщившись; горькая прошла по пищеводу, будто родниковая вода. А может, и в самом деле водичка? С подозрением глянул на Клавдию. С нее станется! Однако девушка осталась серьезной и, кажется, готова была выполнить очередную просьбу. Водка, видно, и в самом деле настоящая, все без обмана. Просто в настоящий момент он испытывал невероятное возбуждение, вот и не почувствовал хмеля.

Захрустел маринованным лучком, дошла очередь и до селедочки. Со вкусом распробовал – весьма приличный засол.

Посмотрев на крутые бока Клавдии, довольно хмыкнул: все-таки приятно, когда хозяйству хлопочет женщина. Вместе с ее появлением возникло ощущение дома, о котором Шатун прежде не подозревал. Бичевал по каким-то хатам, проживал у приятелей, околачивался в притонах с марухами, имена которых даже не помнил, но стоило появиться в квартире основательной женщине, как тотчас в душе установился желанный покой. Весьма занятное чувство! Теперь квартира для него была берлогой, куда он возвращался всякий раз, чтобы отдохнуть и собраться с силами.

Подняв телефон, Шатун ткнул в кнопку.

– Да, Павел Петрович, – прозвучал ровный голос.

– Вот что, Коля, Москву хорошо знаешь? – строго спросил Шатун.

– Одно время извозом занимался, так что, думаю, знаю неплохо.

– Тогда давай подъезжай на Ярославскую, двадцать шесть.

– Что-то серьезное?

– Не думаю... Но осторожность не помешает.

– Понял, – с готовностью отозвался абонент. – Взять что полагается?

– Ты меня правильно понял.

Отключив телефон, Шатун поднялся. Сконцентрированный, собранный, он походил на себя прежнего, которого знали все и боялись. Теперь самое время действовать.

– Чего стоишь? – спросил он у водителя, продолжавшего топтаться у порога. – Поехали! Время не ждет!

* * *

Строишь воздушные замки, моделируешь будущность, а в действительности порой для счастья не так много и нужно: всего-то подходящая компания, а к ней запотевшая бутылка водки с кастрюлей вареной рассыпчатой картошки, нарезанный дольками лучок, селедка пряного посола, несколько малосольных огурчиков, и можно сказать, что забрался на самый пик блаженства.

Водка была разлита по рюмкам, и, чтобы достичь nirваны, оставался всего-то крошечный штрих – потереть в предвкушении приятной трапезы ладони и сесть за стол. День выдался на редкость нервным, следовало этот календарный лист перевернуть.

Григорий почувствовал, как у него, словно у собаки из опытов академика Павлова, начинается обильное слюновыделение. Пожалуй, привычную простую закуску он не поменял бы ни на какие заморские разносолы.

– Садимся, – широким жестом указал он на расставленные стулья.

Звонок прозвенел в тот самый момент, когда Иннокентий оторвал бутылку от стола. Пальцы остудило холодом.

– Ты кого-нибудь ждешь? – удивленно уставился на него Григорий.

– Никого, – глянув на часы, добавил: – Тем более в такой час. Посмотри, кто там.

Григорий подошел к двери, некоторое время он вслушивался в тишину подъезда, потом негромко спросил:

– Кто там?

– Открывай, Григорий, – раздался из-за двери бодрый бас.

Голос показался ему знакомым. Повернув ключ, он распахнул дверь и увидел ухмыляющегося Шатуна.

– Здравствуй, – произнес тот. – Чего так невесело встречаешь?

– Просто не ожидал. Ведь договаривались встретиться завтра.

– Кое-что изменилось. Так ты пригласишь, или мы здесь перетираться станем?

– Проходи, – отступил в сторону Григорий. – Как ты меня нашел?

– Это мой небольшой секрет. – Повернувшись в сторону лестничной площадки, вор негромко обратился в пустоту: – Где вы там попрятались? Неужели не слышали? Нас приглашают в гости!

Григорий слотнул: сверху по лестнице спускались четыре незнакомых человека.

– Чего же ты так напрягся? – все тем же бодрым голосом спросил Шатун. – А может, не рад гостям?

Вошедшие своими телами заняли узкий коридор, оттеснив Григория в глубину комнаты.

Паша Шатун уверенно прошел в комнату. Увидев заставленный закусками стол с возвышающейся в центре бутылкой водки и Иннокентия, сидевшего напряженно, столь же жизнерадостно продолжил:

– Да тут у вас пир горой! По какому случаю? Молчу, молчу... Причина имеется. Кажется, я не совсем вовремя. Но думаю, что ты на меня не в обиде.

– Пустяки... Водочкой решили побаловаться. Не возбраняется ведь?

– Оно, конечно, дело. Отметить, так сказать, хорошую сделку.

Устроившись за столом, Шатун налил в рюмку водки и, смачно выдохнув, выпил в один большой глоток.

– Ничего, что я так, по-простому? – довольно крикнув, спросил он. Отыскав подходящий огурчик, вытянул его из банки и с аппетитом захрустел.

Оперевшись плечом о косяк, Григорий стоял смурной, осознавая, что рюмка водки, выпитая Шатуном, не последняя неприятность за сегодняшний вечер.

Иннокентий натянуто рассмеялся, пребольно дернув Григория за нервные струны.

– О чем речь между своими.

– Пей сколько хочешь, – невесело процедил Григорий, – никто отнимать не станет.

– Разумеется. – Отодвинув рюмку, проговорил: – Только я все-таки воздержусь. Есть серьезная тема.

– А мы разве не серьезно с тобой базарили? – спросил Григорий и как бы невзначай посмотрел в коридор.

Двое вошедших – первый был высокий, с крепкими, но слегка сутулыми плечами, другой немного пониже ростом, но невероятно мускулистый, будто бы сотканный из корабельных канатов, напоминал акробата – стояли в прихожей. Третий – жилистый и упругий, как кусок каучука, брюнет – топтался в комнате. Четвертый – массивными габаритами напоминал борца сумо, – скрестив на груди руки, подавляя внушительными размерами, заслонял выход (нутро неприятно пощекотал холодок – такого не отодвинешь).

– Ты мне вот что скажи, Гриня. Таранникова ты грохнул из-за яйца Фаберже? – весело поинтересовался Шатун. – Я так понимаю?

В его ровном голосе не прозвучало угрожающих ноток. Даже улыбнулся, как если бы хотел расположить к себе, вот только веселиться отчего-то не хотелось.

– А с чего ты взял, что именно я его грохнул? – с некоторым вызовом спросил Григорий.

Вновь совершенно некстати хихикнул Иннокентий (наверняка что-то нервное), продолжавший сидеть за столом. Закуска его уже не интересовала. Понять его можно – присутствие чужих и опасных людей способно отбить аппетит у кого угодно.

– Понимаешь, какая вещь... Вот ты даже не удивляешься тому, что он мертв, а ведь об этом еще никто не знает, – хмыкнул Шатун. – Чего ты напрягся? – В голосе вора послышались рычащие нотки. – Я ведь видел его мертвым... Не хочешь спросить, как это я попал в квартиру, когда дверь была закрытой? Отмычкой! Все-таки по своей первой специальности я домушник. Чего ты молчишь? Может, я не прав? Или хочешь сказать, что его замочил кто-то другой? Не ты? Ну? Не слышу ответа!

– Я к этому не имею отношения, – процедил Григорий.

– Тебя как зовут? – неожиданно обратился Шатун к Иннокентию.

– Кеша, – нервно сглотнул тот.

– Вот что я хочу сказать тебе, Кеша, плохи ваши дела. – Повернувшись к Карасеву, жестко спросил: – Тогда почему яйцо Фаберже у тебя? Мне ведь Таранников рассказывал о нем. Не в его правилах болтать о своих успехах, видно, что-то на него накатило, проговорился! Слишком сильная вещь! Даже для него... А тут и вы ко мне подваливаете. В нашем деле такое редко случается. Как бы сказали на фронте – в одну и ту же воронку снаряд не падает.

– Послушай, Шатун... – подался вперед Григорий.

– Стоять! – показал звериный оскал Шатун.

Кто-то крепко ухватил Григория сзади руками за шею, перекрыв дыхание. А крепыш, подскочив, с размаху ударил в блуждающий нерв. Григорий судорожно открыл рот, пытаясь проглотить хотя бы частичку воздуха. Тщетно! Легкие скукожились до величины грецкого ореха и не желали впускать в себя воздух. Кто-то сильно ударил по ногам, сбив на колени, а стоявшие позади, ухватив за волосы, приподняли голову.

Боковым зрением Григорий увидел побелевшее и перекошенное лицо Иннокентия. Еще каких-то полчаса назад они даже представить себе не могли, что вечер, так хорошо начавшийся, может закончиться столь скверно.

И вот на тебе! Расхлебывай теперь по полной!

Шатун легко вышел из-за стола и, присев на корточки, посмотрел в разбитое лицо Григория, перекошенное от боли.

– Никак тебе подурнелось, – посочувствовал Шатун, покачав головой. – Вон как зенки вылупились. Не бережешь ты себя, а здоровье – такая вещь, что его даже за деньги не купишь. Так что ты мне скажешь, милоч?

Где-то внутри открылся клапан, и через диафрагму тоненьким ручейком просочился воздух. Первую минуту Григорий просто с жадностью вдыхал, наполняя кислородом каждую альвеолу.

Отдышавшись, спросил, стараясь не отвести взгляда:

– И чего ты от меня ждешь?

Шатун пододвинул к себе стул и, устроившись на нем, теперь посматривал на Григория сверху вниз, подавляя. Во взгляде ничего злодейского. Крупные чуток навывкате глаза смотрели по-доброму, с состраданием.

– Ты его грохнул?

Григорий Карасев хотел распрямиться, но крепкие руки еще сильнее вжали в пол, не давая возможности пошевелиться.

Прямо перед собой он увидел Иннокентия, распластанного на полу, на спину которого взгромоздился «борец сумо» и, злобно стиснув челюсти, выворачивал ему руку.

– Зар-р-раза, – сдавленно прокричал Иннокентий.

Григорий даже не заметил, в какой именно момент толстяк сокрушил Кешу. Рядом с ними валялись опрокинутый на спинку стул и сброшенная со стола закуска – несколько соленых огурчиков, нарезанная селедка.

– Даже если бы это был и я, так что меняет? Тебе нужен товар, ты его и получишь, – огрызнулся Григорий.

– Здесь ты не прав, менять может многое, – мягко возразил Шатун. – Понимаешь, милоч, весь вопрос в цене. Чего же мне тогда отдавать деньги за то, что я могу взять даром? Ты же не пойдешь на меня жаловаться легавым, как-то не с руки, если ты сам завалил своего хозяина. На Таранникова мне наплевать, скверный был человечиска. Жадный не в меру! А вот свои деньги я привык считать. Итак, первый вопрос: откуда у Таранникова взялось яйцо?

Голос Павла Шаталова ядовитой змеей проник в черепную коробку и свил себе гнездо. Следует перетерпеть.

Григорий молчал.

Шатун неодобрительно покачал головой.

– В молчанку решил поиграть, милоч. Скверно! Видно, ты еще не до конца осознал, с кем имеешь дело. Ты знаешь, почему меня называют Шатун?

– Наслышан, – процедил сквозь зубы Григорий.

– Прекрасно! Так что я могу быть очень нехорошим человеком, а поэтому советую тебе не злить меня. Итак, повторяю, откуда взялось яйцо Фаберже у Таранникова?

– Яйцо Фаберже ему продал какой-то парень... Точнее, их было двое.

– Ты был во время переговоров?

– Был. Но оставался в коридоре.

– Та-ак, это уже лучше. Как их звали?

– Одного из них звали Владлен Лозовский, а фамилию другого я не знаю. Но, кажется, он называл его Назаром.

– Как они нашли Фаберже?

– Говорили, что случайно отыскивали в каком-то старом доме с металлоискателем. Они кладоискатели.

– Больше похоже на сказку, – призадумался Шатун. – Хотя чудеса случаются и в наше время. За сколько же они отдали это яйцо Таранникову? Он ведь был скуповат. Деньгами разбрасываться не любил.

– За три миллиона долларов.

– Я не ослышался? За три миллиона зеленых?

– Именно так.

– Значит, вещь действительно очень ценная, если этот скопидом выложил за него такие деньги. А теперь, стало быть, это яйцо находится у тебя.

Григорий отвернулся.

Покачав головой, Шатун неодобрительно произнес:

– Непорядок... Такие деньги и мимо меня проходят. Обидно, знаешь! Куда могли податься эти кладоискатели, может, подскажешь?

– Не знаю.

– Неужели пожалел? Ты бы о себе лучше подумал.

– Мне некого жалеть, переговоров с ними я не вел. Если кто и мог сказать, так это Таранников. Но теперь у него не спросишь.

– Ладно, отложим это дело на потом, – глухо обронил Шатун. – А теперь меня интересует яйцо Фаберже. Где оно?

– Мы так не договаривались, – через сомкнутые зубы процедил Григорий.

– Мы много о чем не договаривались. Итак, я слушаю... Да, хочу тебя предупредить, я очень не люблю ждать. Даю тебе ровно минуту... Потом будем разговаривать в другом месте, но уже с худшими для тебя последствиями. Твое время пошло, – посмотрел на часы Шатун. – Пять секунд...

– Послушай, Павел, давай поговорим по-человечески, – попытался приподняться Иннокентий.

– Двадцать секунд... – бесстрастно объявил Шатун.

– Его здесь нет, – спокойно сказал Григорий. – Неужели ты думаешь, что вещь в несколько миллионов долларов мы будем хранить в обыкновенной хрущевке?

Шатун едва кивнул:

– Вижу, мы начинаем понемногу понимать друг друга. Это хорошо! Так где же она?

Если у Григория оставался хотя бы один шанс, следовало им воспользоваться.

– Это не так просто... Яйцо мы спрятали у своего приятеля. У него бронированный сейф... Лучше места не отыскать.

– Ты меня за фраера, что ли, держишь? С чего это тебе ему так доверять? – покачал головой Паша Шатун. – Такая серьезная вещь должна быть всегда под рукой, чтобы в случае чего уйти вместе с ней. Ты со мной не до конца откровенен. Жаль! А я почему-то считал, что у нас получится разговор. Твоя минута прошла.

– У меня нет!

– Ладно, – поднялся со стула Шатун, – я не гордый, могу поискать и сам. Кирзач! – окликнул он долговязого, стоявшего в проходе. – Давай пошарь на кухне, а я здесь посмотрю.

– А с этими что? Может, грохнем?

– Не зверствуй, поговорим с ними еще.

– Понял, – с готовностью отозвался долговязый и скорым шагом устремился на кухню.

Громко стукнула дверца кухонного шкафа, а с полок, дребезжа, полетели на пол тарелки.

– Поосторожнее, – предупредил Шатун, отшвырнув носком стеклянный осколок. – Тут шуметь ни к чему. Еще не хватало, чтобы соседи полицию вызвали. Мы ведь люди культурные, как-нибудь по-тихому разрешим все проблемы.

Шатун подошел к шкафу и, распахнув его, принялся сгребать на пол сложенные стопкой простыни, свитера, рубашки. Разглядев среди белья женскую сорочку, язвительно спросил:

– Надеюсь, ты ее не носишь... Ладно, не сверли так глазками, пошутил я, вижу, что не твой размер. Отодвиньте диван, – распорядился Шатун и, направив строгий взгляд на «акробата», стоявшего с пистолетом, предупредил: – Коля, если что не так, стреляй в лоб! Понял?

– Не впервой, не промахнусь.

Поднатужившись, долговязый с брюнетом отодвинули громадный диван. Приподняв сиденье, заглянули внутрь.

– Похоже, что нет, – пожал плечами долговязый. – Осмотрел каждую щель, да там особенно и не спрячешь, все на виду.

– В мусорное ведро заглянул?

– А то! – Долговязый почти обиделся. – Его ошметки по всей кухне валяются. Может, его здесь нет?

– Ищи, Кирзач, здесь должно быть! Я это носом чувствую. Вот что, ванную осмотри, там самое подходящее место для тайника.

– Хорошо, сделаю!

– Я скажу, где находится яйцо Фаберже, – заявил со своего места Григорий.

– Где же оно? – повернулся Шатун.

– Я закопал его в одной лесопосадке. Обычно там народу не бывает. В случае чего, всегда можно отрыть.

– Далеко отсюда?

– Ехать минут двадцать пять. Можешь спросить у Кеши, – кивнул он на поверженного приятеля. – Он подтвердит.

– Да, это так, – приподнял Иннокентий голову.

– Поехали! Поднимите его!

– Только дай мне слово, что отпустишь нас сразу, как только я тебе покажу место.

– Торговаться начал? Это хорошо, – одобрительно отозвался Шатун.

– Мне нужны гарантии, что ты нас не грохнешь.

– Послушай, парень, о чем базар между своими. Ты мне не нужен. Можешь уматывать на все четыре стороны, как только я получу яйцо, – приободрился Шатун. – Но советую тебе не дергаться. Все, потопали!

Выходили из комнаты безо всякой суеты. Было понятно, что подобные действия для них не в новинку. Впереди, закрывая проем, двигался человек-гора, а за ним, чуток в стороне, видно, чтобы иметь возможность для маневра, мускулистый. Его правая рука была спрятана в кармане. Следом за ними Григорий и Кеша, дальше долговязый с чернявым. Процессию замыкал Шатун, контролируя каждое движение.

– К машине, – распорядился вор, кивнув на микроавтобус.

Приветливо, как если бы приглашал лучших друзей, Кирзач распахнул перед Григорием дверцу и хмуро, пресекая возможность препирательства, сказал:

– Пошевеливайся!

В какой-то момент Григорий подумал о том, что выдалась удобная минута для нападения, но долговязый, ткнув стволом в бок, перечеркнул возможность. С другой стороны, закрыв возможность бегства, устроился мускулистый.

– Не дергай башкой, если не хочешь остаться без печени, – процедил он сквозь зубы.

В другую машину, под присмотром человека-горы и чернявого, посадили Иннокентия.
– Чего сидим? Поехали! – распорядился Шатун и, заметно повеселев, добавил: – Показывай!

– Знаешь посадки на Магистральной? – угрюмо спросил Григорий.

– А то как же! – весело отозвался Шатун. – У меня там вся юность прошла. В тех кустах я впервые девку попробовал. Сколько же мне лет было? Лет пятнадцать... Или все-таки четырнадцать?

– Каменную сторожку у дороги знаешь?

– Там, где электроподстанция была?

– Верно, – уныло подтвердил Григорий. – Только оттуда давно уже все вынесли.

– И что?

– Вот в ней я и спрятал яйцо Фаберже. Среди хлама.

– Ты же говорил, что закопал.

– Это не совсем так, оно там. Но без меня вы все равно не найдете.

– Ловко придумал! – со смехом отозвался Шатун, все более веселея. – Кто бы мог подумать! А я-то считал, что, кроме дерьма и гондонов, там ничего нет. Ладно, покажешь, где оно, и можете валить на все четыре стороны.

На город понемногу легла ночь, окутав в плотную непроглядную темноту городские кварталы. Лишь дороги, подсвеченные уличными фонарями, рассекая темень, выглядели артериями. Григорий не однажды попадал в скверные ситуации, но в такую, как нынешняя, оставаясь под прицелом наставленных стволов, впервые.

Однажды, лет пятнадцать назад, занимаясь рэкетом, Григорий Карасев был избит хозяином магазина и его людьми, когда пришел в очередной раз за оговоренными отступными. Едва живого его связали по рукам и ногам и бросили в сарай. Сразу не убили только потому, что боялись перепачкать паркет, а еще намеревались допить разлитую в стаканы водку. Даже тогда Григорий не считал, что находится в безвыходной ситуации. Оставшись в одиночестве, он зубами развязал веревку на руках и выбрался через небольшое окно наружу.

Теперь же ситуация выглядела куда более драматичной. Сейчас он воевал не с бизнесменами, озадаченными собственной маржой, а с людьми совершенно иной породы, умеющими обращаться с оружием, способными легко перешагнуть через труп.

Свернув с трассы, съехали на проселочную дорогу. Машину неприветливо встретили колюче торчавшие ветки. Одна из них неприятно прошла по кузову автомобиля, заставив водителя чертыхнуться.

– Дьявол! Теперь царапина будет! Шлифовать придется.

Свет фар резанул чернеющий лес, отшвырнув границу мрака в глубину. Неохотно отступая, темень мгновенно смыкалась позади, забирая машину в беспроглядный плен. Лишь луна, подсвечивая серебром дорогу, то пряталась за кроны деревьев, то вновь вспыхивала из-за крон серебряным сиянием, как если бы играла в прятки.

– Куда теперь? – угрюмо спросил Шатун у примолкшего Григория.

– Сразу за этим поворотом будет небольшая полянка, а с краю стоит сторожка.

– Поглядим, – протянул Шатун. – У меня такое чувство, что мы ее давно проехали.

– Это потому, что ночь. Она впереди.

Автомобиль, покачиваясь на ухабах, будто лодчонка на волнах, двигался по наезженной дороге. В одном месте дорога изогнулась в гибкую петлю, объезжая глубокую яму, заполненную водой. В стороне, в распадке между деревьями, скелетами доисторических животных предстали сразу два кузова легковых автомобилей, в одном из которых отчетливо улавливались очертания внедорожника. Григорию было известно, что два года назад в этот отдаленный лесомассив автоугонщики пригоняли краденые автомобили. Разбирали за пят-

надцать минут, оставляя лишь голые рамы. А потом продавали на автозапчасти на всевозможных городских толкучках.

Во главе этой бригады был его приятель Тимоха Белорус, с которым он крепко сошелся на поселении под Ухтой. Дважды их пути пересекались в Москве, как-то даже они планировали совместное дело по отъему ценностей у населения. Но полгода назад его группу повязал в этом самом лесочке отряд ОМОНа. Так что в настоящее время Тимоша Белорус пребывал в одной из колоний под Братском и шил телогрейки, праведным путем зарабатывая условно-досрочное освобождение. А кузова автомобилей остались ржаветь под открытым небом как памятник его многочисленным подвигам.

Мини-вэн выехал на поляну, шуганув плотным лучом дальнего света сгустившуюся темноту. Перепуганная темень, порванная светом на куски, отступила за поляну и застыла, встав плотной стеной у могучих елей, растопыривших колючие ветки.

Луч фар цепанул небольшую каменную сторожку, осветив отбитый угол и покосившуюся, державшуюся на одной петлице толстую дверь.

– Глуши мотор! – распорядился Шатун и, повернувшись к Григорию, спросил: – Ты об этой сторожке говорил?

– Она самая, – живо ответил Григорий.

– Показывай! – приказал Шатун, распахивая дверцу. – Мне бы очень хотелось, чтобы ты оказался прав. – Покачав головой, добавил: – Очень не люблю, когда меня обманывают. Если что не так... Так ты просто отсюда не выберешься.

– Я все понимаю, – глухо обронил Григорий. – И не нужно меня пугать, пуганный!

В нескольких метрах позади, заглушив двигатель, остановилась вторая машина. Из нее бодро сошел на землю чернявый, за ним, подгоняемый человеком-горой, вышел Кеша.

– Если пойдет что-нибудь не так, грохнешь обоих, – просто сказал Шатун брюнету.

– Не впервой, Шатун, сделаю, – блеснул тот белоснежными зубами.

– Все будет путем, братки, – проговорил Иннокентий, попытавшись спрятать страх за кривой улыбкой.

Свет фар освещал каменную сторожку и неровным продолговатым пятном укладывался на полянку, рассеивающимся светом уходил в глубину леса, где и терялся. Ветки ломались кривыми тенями, падали на лица стоявших. Григорий пошире распахнул дверь, заставив ее протяжно скрипнуть, и произнес угрюмо:

– Я сюда спрятал, среди хлама, – махнул он в угол, заваленный разбитыми ящиками, арматурой, металлическими прутьями, побитыми трансформаторными ящиками.

«Акробат» направился следом и тотчас отпрянул:

– Фу-у, воняет! Здесь дохлая собака, похоже.

– Потерпите немного, сейчас достану.

– Подождем, раскапывай.

Шагнув внутрь, Григорий пропал, как если бы растворился в темноте. Где-то в глубине помещения тяжело шаркнул отодвигаемый предмет. Вспыхнула зажигалка, отбросив клочья теней в приоткрытую дверь. Затем раздался глуховатый стук, какой случается при падении тяжелого предмета. Некоторое время в будке было тихо. Почувствовав неладное, Шатун поторопил «акробата»:

– Колян, посмотри, что он там делает.

– Хорошо.

Выставив пистолет, тот осторожно зашел в сторожку.

– Где ты там? Ты чего, спрятался, что ли?

Чиркнув зажигалкой, он осветил помещение. Мерцающий огонек бросал тревожные блики на стены, освещал потолок и пол. Спрятаться было негде, помещение небольшое, всего-то полтора десятка шагов в глубину. Не растворился же он, в самом деле! «Акробат»

сделал еще один шаг. Колыхнувшееся пламя осветило угол будки, загроможденный металлическим хламом. Здесь же лежали кирпичи, составленные в аккуратную стопку. Пламя, беснуясь от неритмичного дыхания, бросало тени на отбитую штукатурку, разрисованную уродливыми граффити, ломалось об обломки кирпичей кривыми тенями, а потом, будто проломив стену, упало на примятую пожухлую траву. Наклонившись, «акробат» осветил в проем. Усиливающийся сквозняк норовил сорвать пламя, огонь беспомощно метался во все стороны, освещая неровный проем, подкрашенный копотью. Дальше была чернота, в глубине которой зловеще шумели клены, помахивая могучими кронами.

– Убежал, зараза! – распрявился «акробат».

На границе поляны треснула сухая ветка, выдавая бегущего человека. «Акробат» юркнул в проем, почувствовав, как торчавшие осколки кирпичей разодрали спину, и побежал прямо на треск.

– Колян, вали его! Вали! – услышал он за спиной голос Шатуна. – Уйдет, тварь!

На границе леса, где, растопырив во все стороны колючие ветки, рос можжевельник, «акробат» увидел промелькнувшее пятно. И, подняв револьвер, дважды выстрелил. За спиной эхом отозвались еще два выстрела. Свет фар высветил высокую фигуру человека, застывшую подле кустов, будто бы напиленную на острые концы веток. Потом послышался хруст поломанных сучьев: застывшая фигура слегка покачнулась, сумела сделать два неторопливых и невероятно тяжелых шага и упала прямо под корни куста, подмяв тонкие ветки.

Готов!

– Какого дьявола! А ты чего стрелял?! – прозвучал за спиной рассерженный голос Шатуна.

Обернувшись, «акробат» увидел неподвижно лежавшего на траве Иннокентия. Еще один...

– Так ушел бы... Шатун, сам пойми, – виновато произнес долговязый, слегка качнув пистолетом.

– По ногам нужно было.

Подошедший Шатун склонился над мертвым и, покачав головой, протянул:

– В голову, насмерть!.. Такого уже не воскресишь. Колян, посмотри своего, может, еще живой.

«Акробат», держа оружие наготове, с некоторой опаской приблизился к упавшему Григорию. Беглец лежал неподвижно, скрестив ноги. Перевернув на спину, посмотрел в застывшее лицо.

– Крепко ты его уделал, – раздался за спиной голос приблизившегося Шатуна. – В самый лоб. Он повернулся, хотел посмотреть, кто за ним бежит, а ты его сделал. Ладно, тут уже ничего не поделаешь, он бы доставил нам неприятности... Теперь уже точно не узнаешь, где яйцо Фаберже.

– Что будем делать? – в досаде спросил «акробат».

– А чего тут поделаешь, взяли лопату, роем землю. Не оставлять же их здесь.

– Понял, – с готовностью отозвался «акробат» и заторопился к машине.

Открыв багажник, он вытащил из него лопату.

– Где рыть-то?

– Ну не на поляне же! – с раздражением произнес Шатун. – Отойти метров на пятьдесят в глубь леса, там и копай.

– Хорошо.

В какой-то момент Павлу Шаталову показалось, что через ветки густо разросшегося можжевельника за ними кто-то пристально наблюдает. Приблизившись, он невольно усмех-

нулся собственным страхам – на кустарнике лежала какая-то светлая ветхая тряпка, видно, заброшенная порывом ветра. Чего только не покажется в потемках.

– А вы, вот что, – посмотрел он на долговязого и человека-гору. – Возьмите покойничков за руки и за ноги и топайте за Коляном. Присыплем их, чтобы сразу не нашли, и сваливаем отсюда по-быстрому!

Глава 4

Возвращение шкатулки

Все прошло самым лучшим образом.

Сделка состоялась в стенах банка: Алексей Таранников получил яйцо Фаберже, которое тотчас спрятал в сейфовой титановой ячейке банка, а Владлен с Назаром заработали три миллиона долларов. Затем загрузились в патрульную машину полиции, с которой договорились заблаговременно, и доставили деньги в квартиру Людмилы. Никто из соседей, повстречавшихся в этот час во дворе, даже не подозревал, что в большой крепкой сумке находятся три миллиона долларов.

– Ты случайно не знаешь, что это был за парень, которого мы встретили в подъезде? – спросил Лозовский у Людмилы, когда они разместились в комнате.

– Это наш сосед, – ответила девушка и кокетливо добавила: – Одно время он даже пытался за мной ухаживать. А что?

– Да так... Мерещится всякое. Взгляд у него был слишком заинтересованный. Мне показалось, что он нас разглядывал.

– Тебе сейчас может показаться все, что угодно. Ничего такого не было, – поддержал Людмилу Назар. – Он просто подумал, что это еще за ухажеры к Люське подваливают? Сначала по одному ходили, а теперь вот парами.

– Скажешь тоже, – фыркнула девушка.

– Возможно, так оно и есть, – согласился Владлен.

Причина была подходящая, только на душе отчего-то было беспокойно.

* * *

Встретив Лозовского в собственном подъезде, Вадим Кузнецов даже не удивился. Именно этот человек объявлен в розыск. В оперативной работе такое случается, не успел подумать о разыскиваемом, как он уже топает тебе навстречу. Рядом с Лозовским был парень, который не значился в оперативных сводках. Но вот что странно – в руках они несли большую спортивную сумку, едва ли не прогибаясь под тяжестью. Интересно, что в ней такого могло быть? Остановившись у квартиры Людмилы, парни позвонили в дверь.

Спустившись во двор, Кузнецов набрал номер майора Никольского, тот ответил сразу:

– Слушаю.

– Товарищ майор, кажется, я отыскал Лозовского.

– Это каким же образом?

– Случайно. Вышел из своей квартиры, спускаюсь по лестнице, а он мне навстречу идет с каким-то парнем.

– Тебе повезло.

– Да, повезло. Они несли какую-то тяжелую сумку.

– Сумку, говоришь... Сделаем вот что, понаблюдай пока за ними. Может, еще что-нибудь всплывет. А я потом тебе человека в помощь подкину.

– Хорошо, понаблюдаю, – отозвался Вадим, стараясь не показать своего недовольства.

– Утром подойдет группа захвата. Надеюсь, до утра они никуда не денутся?

– Не должны. Вели себя очень спокойно. Не нервничали.

– Вот и договорились. Если будет еще что-нибудь интересное, звони!

* * *

– Как ты думаешь, сколько стоит шифр фрейлины? – спросил Лозовский у Назара, отрезав кусок шницеля. Людмила молодец, постаралась! Ужин получился великолепный. Особенно удался борщ, до которого Владлен был весьма охоч. – Изумруд очень большой, невероятной чистоты, он наверняка должен стоить больших денег.

– Можно спросить у оценщика, – подсказал Назар.

Прожевав кусок мяса, Владлен возразил:

– К оценщикам идти не стоит. Чего посвящать в свои дела еще каких-то посторонних людей. Любой из них может быть наводчиком. Можно будет спросить у Таранникова. Все-таки с подобными вещами ему приходилось иметь дело. – Расправившись с ужином, сказал: – Я ему прямо сейчас позвоню, договорюсь о встрече. Скажу, что у меня для него есть одна историческая вещь.

Таранников не отвечал. Отправив сообщение о том, что у него имеется кое-что интересное, Владлен стал ждать, однако ответа так и не последовало.

– Странно, это на него не похоже, – удивился Лозовский. – Ради стоящей вещицы он готов оставить все остальные дела. Ладно, попробуем позвонить попозже.

Связаться попозже с Алексеем Таранниковым также не получилось. Не отозвался он и через несколько часов.

– Как ты думаешь, где он может быть? – спросил удивленный Лозовский.

– А какая тебе разница? – сказал Назар, разместившись перед телевизором. – Деньги мы получили. Осталось их только переправить за бугор, так что все в порядке.

– Знаешь, у меня какое-то дурное предчувствие, хотя ты можешь смеяться. А тебе не кажется, что его могли элементарно грохнуть! Ведь у него вещь на миллионы долларов! А если это так, то что мешает этим людям наведаться к нам?

Назар призадумался.

– Знаешь, в твоих словах есть правда. Я об этом как-то не подумал.

– Мне кажется, его нужно разыскать.

– И как ты думаешь это сделать? Пойти к нему домой?

– Если бы Таранников был дома, так наверняка бы откликнулся. Его нужно искать через Гришу с Кешей, они ведь на него работают.

– Ты знаешь, где они живут? – удивился Назар.

– Знаю. Помнишь, моя сестренка вписалась в «Бентли» Кеши?

– Помню... Да, угораздило ее, – посочувствовал Назар.

– Это не ее угораздило, а меня! Мне пришлось за нее расплачиваться. Денег-то у нее нет! Кеша назвал адрес, и деньги мне пришлось нести туда. Кстати, вместе с Иннокентием там был и Гриша.

– И что это за адрес?

– Недалеко отсюда, на Ярославской. Поехали? Спросим у него, где их шеф болтается.

– Я с вами, – подскочила Людмила.

– Ты дома посиди, у тебя дел, что ли, нет? – отмахнулся Владлен и, заметив, как девушка нахмурилась, добавил, смягчив интонации: – Мы быстро, ты даже соскучиться не успеешь.

– Уже ночь на дворе, могли бы и до завтра потерпеть.

– Ну что ты с ней будешь делать! – в сердцах воскликнул Лозовский. – Ладно, давай одевайся. Поехали!

– Хорошо, я быстро, – обрадованно пискнула Людмила. – Только сумочку соберу.

* * *

Вадим Кузнецов хмыкнул, легко сказать: «Понаблюдай за ними!» Он ведь не сторожевой пес, что обязан стеречь покой своего хозяина. На предстоящий вечер у него планировалась перспективная встреча с одной милой барышней, а вместо этого приходится паяльничать на чужие окна, изображая филера. Барышне в связи со сложившимися обстоятельствами придется дать отбой, а особа она весьма тонкая, невероятно чувствительная и может не оценить служебного рвения. И тогда ставь крест еще на одной кандидатуре.

Кроме того, Вадима Кузнецова преследовали мелкие неудобства, вот, например, кончились сигареты, а без них каждая минута превращается в час. Посмотрев на светящиеся окна, Вадим увидел, что за ними ничего не происходило – лишь однажды он увидел худенькую фигурку девушки, задержавшуюся всего-то на мгновение, а потом вновь предстала безрадостная картинка из прозрачной тюлевой ткани. Так что, если он сходит в соседний киоск за сигаретами, то ровным счетом ничего не изменится.

Неожиданно на площадке второго этажа раздались мужские голоса – кто-то спускался по лестнице. Кузнецов невольно напрягся. Дверь распахнулась, из подъезда вышли два парня и, о чем-то энергично разговаривая, заторопились вдоль дома.

Вадим Кузнецов посмотрел им вслед, выбросил в урну пустую пачку и направился за сигаретами.

* * *

Владлен с Назаром вышли в темный пустынный двор, следом, помахая сумочкой, торопилась Людмила. Лампа, горевшая у подъезда, тускло освещала припаркованные автомобили. Старенький внедорожник «Тойота» стоял у обочины дороги, взбравшись правыми колесами на бордюр. Разблокировав сигнализацию, Назар уверенно устроился на водительском кресле и, подождав, пока Владлен с Люсей займут пассажирские места, запустил двигатель.

– Езжай пока прямо, – проговорил Владлен, – дорогу я тебе покажу.

– Договорились, – ответил Назар и аккуратно съехал на проезжую часть.

До Ярославской доехали кратчайшим путем: через неприметные узкие переулки и сквозные дворы, о которых Назар даже не подозревал. Выбравшись на широкий проспект, Назар притопил газ (благо движение было небольшим, встречались лишь отдельные машины, точно так же летящие), и через каких-то двадцать минут уже были на месте, подле пятиэтажного дома.

– Давай к третьему подъезду, – сказал Владлен, махнув рукой.

Когда до подъезда оставалось метров двадцать, дверь широко распахнулась, и из нее вышло несколько мужчин.

– Притормози! – выкрикнул Лозовский, узнав в выходящих Григория и Кента.

Назар притерся колесами к бордюру и выключил свет.

– Что за дела, – невольно ахнул Владлен, рассмотрев в ладони у замыкающего пистолет. – Они что, взяли их в плен, что ли?

– Так получается... – неопределенно протянул Назар. – Ты знаешь остальных?

– Впервые вижу.

– Представляю, что было бы, если бы мы заявили на несколько минут раньше.

– Думаешь, грохнули бы?

– Без никаких! Ты посмотри на эти уголовные рожи! Да у них у каждого за плечами по пятнадцать лет тюрьмы!

– Чего же они не поделили?

– А хрен их знает.

Один из сопровождавших приостановился – крупный и высокий, как борец сумо, и посмотрел в сторону припарковавшегося внедорожника.

– Ой, мамочки, он сюда смотрит, – пискнула со своего места Люся.

Владлен Лозовский почувствовал, как нутро невольно наполнилось страхом. Такой открутит голову и даже не поморщится!

– Может, подать назад? – спросил Назар, заволновавшись. – Ведь шмальнут из ствола. Как пить дать!

– Не дергайся, – спокойно сказал Владлен. – Сейчас они уйдут.

Разделившись на две группы, мужчины сели в мини-вэн и в легковую машину, стоявшие возле подъезда. И тотчас укатили.

– Их увели. Что будем делать? – спросил Назар.

– Тут что-то не так... Давай поднимемся в квартиру, – предложил Лозовский. – Посмотрим, что у них там.

– Да ты с ума сошел! – выкрикнул Назар. – А если они вернуться? Они нас просто грохнут!

– Если не хочешь, я пойду один, – ответил Владлен, взявшись за ручку дверцы.

– Что ты будешь с ним делать, – чертыхнулся Назар Шелестов. – Не сидится ему! Все приключений каких-то ищет. Так и хочет, чтобы ему по башке надавали! Не торопись, я с тобой иду.

– Мальчики, я с вами! – воскликнула Людмила.

Люся порой действовала, как надоедливая младшая сестра, от которой невероятно трудно отделаться, и буквально связывала их по рукам и ногам. Следовало аргументированно убедить ее остаться в машине, иначе она просто не слушает.

– Вот что, Люся, – серьезно произнес Владлен Лозовский. – Машину нужно поохранять, мало ли чего... Двор-то чужой. А потом, эти уголовники могут вернуться. Если что, ты нам позвони!

– Если ты так считаешь, – неуверенно протянула Людмила, – тогда останусь.

– Выходим, – бросил он Назару и, повернувшись к Людмиле, потребовал: – Заблокируй изнутри дверцы!

Открыв бардачок, Лозовский извлек ствол, завернутый в ветошь.

В позапрошлом году вместе с «трофейщиками» он выезжал в Киришамы, где целый месяц выкапывал предметы военного быта. Натолкнувшись на «вальтер», он решил оставить его себе – вещь была сильная, и расставаться с ней было жаль.

– Зачем это тебе? – спросил Назар.

– Пригодится, – сунул Владлен пистолет в карман куртки.

* * *

Купив пачку сигарет, Кузнецов устроился на лавочке и закурил. Странное дело, но окна в квартире Людмилы были погашены. Неужели они успели уйти, пока он ходил за сигаретами? После второй выкуренной сигареты Вадим решил подняться в квартиру. Постояв некоторое время у дверей, он пытался распознать хотя бы малейший шорох, но вскоре понял, что квартира пуста. Чертыхнувшись, Кузнецов решил позвонить Никольскому.

– Товарищ майор, Лозовский со своими людьми куда-то из квартиры ушел.

– Что значит «ушел»? – услышал он недовольный голос Никольского. – А ты куда смотрел?

– Я отлучился буквально на минуту. За сигаретами ходил.

– Потерпеть, что ли, не мог? – выражая крайнее неудовольствие, спросил майор.

– Я себя очень корю, товарищ майор...

– А что мне твое самобичевание!.. Ладно, что уж теперь. Никуда оттуда не уходи, может, они еще заявятся, покарауль... Чего же им толпой на ночь глядя расхаживать. Может, просто в гости к кому-то отправились. Сейчас подъедет группа захвата, ты ее дождись. И проследи, чтобы там все было в порядке.

– Слушаюсь, товарищ майор.

* * *

Вошли в пустынный подъезд и поднялись на пятый этаж, на котором проживал Иннокентий.

– Вот здесь, – негромко сказал Владлен, показав на темно-коричневую металлическую дверь. Кажется, она распахнута.

Свет от яркой лампы, висевшей над самым потолком, рассеивающимся лучиком проникал через узкий проем в прихожую, освещая небольшой затертый коврик с коротким ворсом и краешек стены с пестрыми обоями.

Владлен толкнул дверь, легко отворившуюся, и прошел в коридор. Включив фонарик, он осветил комнату с царившим в нем беспорядком: на полу лежали разбросанные вещи, книги, валявшиеся ворохом, нелепо беспомощным выглядел перевернутый стол, в углу комнаты блеснула заброшенная пепельница.

– Драка, что ли, была? – повернулся Назар к Владлену.

– Скорее всего, что-то искали. Посмотри, все перевернуто! Даже мусорное ведро выгребли.

– Видно, не нашли. Вот поэтому и Кешу с Гришей забрали.

– Вот что, у тебя металлоискатель с собой? – спросил Владлен.

– Ты же знаешь, что я его всегда с собой вожу. Мало ли чего. Привычка, в общем.

– Хорошая привычка. Давай тащи его сюда. Посмотрим, что да как... Может, у нас получится найти.

– А если они вернуться?

– Люська в машине, если что, предупредит.

– Хорошо, – согласился Шелестов. – Сейчас подойду.

Назар ушел. Владлен внимательно осмотрел комнаты, высвечивая фонариком углы и потаенные места. Люди, копавшиеся в квартире, явно не были кладоискателями. Иначе сумели бы отыскать нужный предмет в течение нескольких минут. В действительности секретных мест в квартире не так уж и много, и настоящий кладоискатель о них прекрасно знает.

Осмотрев кухню, Владлен увидел, что она перевернута. На восьми квадратных метрах не оставалось даже участка, где бы не пошарила чужая рука. Углы распахнутого кухонного стола зияли чернотой, а выброшенная утварь хрустела под подошвами ботинок. Место пустое, тут ничего не сыщешь.

Владлен Лозовский напрямик направился в ванную комнату. Присев на корточки, он посветил под ванну. Расплывчатый лучик неровным световым пятном остановился на кладке, заложенной всего-то несколько часов назад, – между кирпичами не успел просохнуть даже цементный шов.

– Владик, – услышал Лозовский негромкий окрик.

– Давай сюда, – отозвался Владлен. – Думаю, нужно в ванной покопаться.

Вытащив штангу, он закрепил на ней катушки датчика.

– Что там Люся?

– Спрашивает, скоро ли подойдем?

– А ты что ответил?

– Сказал, чтобы следила за теми, кто входит в подъезд.

– Правильно. Давай включай. Приложи сюда, – ткнул Лозовский в кладку.

Приложив катушку к кладке, Лозовский услышал частые щелчки, какие бывают, когда ферромагнетики наталкиваются на драгоценные металлы. Посмотрев на панель прибора, Владлен невольно сглотнул: зеленая линия сильно изогнулась, указав самой высокой точкой на золото.

– Нужно ломать кладку, – просто сказал Владлен, почувствовав, как голос слегка дрогнул. Опять эта «золотая лихорадка». Буквально забываешь обо всем на свете, когда слышишь частые щелчки металлоискателя.

– Где-то на кухне я видел молоток, – сказал Назар. – Сейчас принесу.

– Неси!

Вернулся Назар через минуту, в руках он держал небольшую кувалду.

– Вот сюда бей, – посоветовал Владлен. – Тут цемента поменьше и кирпичи треснуты. И поаккуратнее, еще неизвестно, что там за кладкой может быть, да и соседей разбудим.

Слегка размахнувшись, Назар ударил в угол кирпича, заставив его сдвинуться. Следующий удар, столь же точный, вогнул стену внутрь.

– Давай теперь я попробую, – сказал Владлен и, уперевшись руками, продавил кладку.

Когда отверстие расширилось, он посветил в проем фонариком.

– Что там?

– Не разобрать. Вижу какую-то пеструю тряпку, а что такое, непонятно! Ладно, сейчас увидим.

Протянув руку как можно дальше в глубину, Владлен сумел дотянуться до предмета, завернутого в тряпку. Пальцы, коснувшись грубоватой материи, потянули ее на себя. Осторожно, стараясь не уронить предмет, он крепко ухватил его в ладонь и вытащил через проем.

Развернув полотенце, он увидел лазуритовую шкатулку.

– Ничего себе! – невольно ахнул Назар. – Откуда она здесь?

Владлен уже не сомневался в том, что должно лежать в шкатулке. Приподняв крышку, он увидел яйцо Фаберже.

– Вот так подарочек! Не ожидал, – изумленно протянул Лозовский. – Значит, снова к нам вернулось.

– Только как яйцо Фаберже оказалось у Кеши? Оно должно быть у Таранникова. Он ведь при тебе клал его в сейфовую ячейку!

– Видишь... Как-то выманили у него. Или украли... Но нас все равно это не должно интересовать.

– Может, вернуть его хозяину?

– Ты сдурел, что ли? Нам просто подфартило! Ведь нас здесь не должно быть. Нужно быть глупцом, чтобы отказываться от удачи, что сама идет к тебе в руки!

– Тоже верно.

– Все, уходим! Еще ненароком явятся!

Вновь завернув шкатулку в полотенце, Владлен взял ее в руки и вышел из квартиры. Следом, плотно прикрыв за собой дверь, прошмыгнул Назар. Никто их не окликнул, не скрипели зловеще двери соседей, чтобы внимательно рассмотреть уходящих, на лестнице тоже никто не повстречался. В общем, все прошло самым лучшим образом, о чем стоило только мечтать.

Людмила встретила подошедших, нахмутив брови.

– Почему вы так долго?

– На то были свои причины, – светясь, произнес Владлен. – Взгляни, – он развернул полотенце.

- Что это? Шкатулка?
Приподняв крышку, Владлен показал яйцо Фаберже.
– Боже ты мой! Откуда вы его взяли?!
- Это уже неважно.
– Вы что, убили из-за него? – Глаза девушки расширились от ужаса.
Обидеться мешало распирившее грудь ликование.
– Как ты могла подумать такое? – спросил Владлен. – Разве мы похожи на упырей? Оно просто лежало в ванной комнате и дожидалось своего хозяина. Вот мы и пришли.
- Но как же...
– Если бы его не взяли мы, то оно досталось бы кому-то другому, – вмешался Назар.
– Совершенно верно. Пусть оно будет у тебя, – сказал Лозовский, протянув шкатулку девушке. – Так надежнее. Мы в первую очередь окажемся под подозрением, а на женщину могут не обратить внимания.
- Как скажешь, – пожала плечами Людмила. – Я его положу пока в сумочку.
– Положи... Оно должно быть всегда при тебе.
– Когда мы уезжаем? – спросила Людмила.
– Останемся еще дня на три. А что?
– У меня есть еще кое-какие дела, – неопределенно протянула Людмила. – Я бы хотела их уладить.
- Три дня тебе хватит?
– Вполне, – улыбнулась девушка, застегнув на замок сумочку, в которой спряталось яйцо Фаберже.
- Но пропадать ты не должна, все время будешь на связи.
– Хорошо. Возвращаемся ко мне?
– К тебе мы сейчас не поедem, – решил Владлен.
– А это еще почему?
– Можешь назвать это дурным предчувствием, но мне не понравился твой сосед, которого мы встретили на лестнице.
- Это ты зря, – сказала Люся, насупившись. – И куда мы тогда сейчас поедem?
– Тут недалеко есть гостиница, давайте зависнем там, – предложил Владлен. – Там и стоянка охраняемая, будет где машину поставить. Если нас надумают искать, то вряд ли будут разыскивать по гостиницам. Скорее всего, будут расспрашивать знакомых, родственников, сделают засады около нашего дома.
- Тоже верно, – согласился Назар. – Так погнажи?
– Поехали! Сейчас выезжаешь на улицу, а там, по правой стороне, будет гостиница. Ты увидишь ее, она будет хорошо освещена. Ехать с километр, не больше.
- Назар завел двигатель. Ярко вспыхнули фары, залив светом припаркованные у обочины автомобили. Внедорожник, басовито загудев, медленно выехал со двора.

Глава 5

Семейный тайник

Дон Альтамирно Писрро прибыл в Лондон ранним утром (весьма благоприятное время для деловых переговоров, когда можно застать нужного человека на месте). В запланированных встречах имелась одна неофициальная – разговор с княгиней Маргаритой Раевской. В телефонном разговоре, состоявшемся накануне, Писрро постарался заинтриговать ее и теперь очень надеялся, что женщина будет с нетерпением дожидаться его появления.

Для дона Писрро не существовало мелочей, к любому делу, пусть даже самому крошечному, он готовился весьма обстоятельно – собирал материал, подключал специалистов, нанимал штат консультантов, а потому не было ничего удивительного в том, что он всегда выдавал самый высокий результат. Что весьма благоприятно сказалось в преодолении карьерной лестницы.

Предстоящей встрече с княгиней дон Писрро придавал особое значение, от результатов разговора зависела его личная судьба. А чтобы беседа прошла должным образом, он собрал о ней максимум информации. По заверениям многих, она являлась весьма влиятельной и деловой особой, среди коллег имела безупречную репутацию. Разворачивала свой бизнес одновременно на трех материках, а с китайскими партнерами у нее был едва ли не самый крупный контракт во всей Великобритании. Все сходились в едином мнении: кроме того, что она была весьма привлекательной особой, с которой работать было одно удовольствие, она способна была преумножать как собственные капиталы, так и вложения своих партнеров. И всюду, в каком бы предприятии она ни участвовала, ей сопутствовала удача.

* * *

Дон Писрро не однажды бывал в Лондоне, и всякий раз город поражал его своими масштабами: огромными площадями, широкими улицами. Отчего-то сразу верилось, что именно такой город способен завоевать половину мира.

Дон Писрро остановился в гостинице «*Park Grand London Paddington*». Весьма удобное местечко, всего-то в нескольких минутах ходьбы от вокзала Паддингтон и Гайд-парка. Так что в свободное время у него будет возможность вкушать достопримечательности английской столицы. Двухместный номер был весьма удобный и невероятно светлый, с большими, под самый потолок, окнами. Впрочем, он не исключал того, что будет сюда приходить только спать.

Открыв кейс, Писрро вытащил из него небольшую литографию, точную копию портрета, висевшего над его рабочим столом в Мехико. На рисунке был запечатлен его предок – испанский конкистадор Эрнан Кортес, завоевавший Мексику и уничтоживший государственность ацтеков. Взгляд дона Писрро остановился на его узких ладонях, сжатых в замок. На безымянном пальце командора, приковывая взгляд, был запечатлен крупный перстень с изумрудом. Когда-то он принадлежал последнему императору ацтеков Монтесуме. Камень, переходивший от императора к императору на протяжении многих столетий, исчез сразу после гибели государства. Было известно, что Кортес подарил его испанскому королю Карлу Пятому. Затем след его затерялся и всплыл только через триста лет в далекой России. И Маргарита Раевская имела к нему самое непосредственное отношение: именно российская императрица Александра Федоровна подарила шифр фрейлины с изумрудом Монтесумы ее бабке. Вот только где он теперь находится, никто не знал. И дон Писрро намеревался услышать правду от самой княгини Раевской.

Встреча с княгиней Раевской была назначена на десять часов утра. Весьма подходящее время, чтобы потом, уладив последующие дела, наслаждаться великолепной кухней в каком-нибудь модном ресторане.

Во время телефонного разговора княгиня произвела на дон Писрро весьма благоприятное впечатление: в голосе доброжелательные интонации, в которых ощущалось неподдельное желание помочь. Хотя дон Писрро был уверен, что Раевская не так проста, как это может показаться при заочном знакомстве. Оно и неудивительно: люди столь значительного калибра никогда не бывают простыми. Ими просчитывается каждый шаг, а перед зеркалом выверяется даже ширина улыбки. Наверняка, в свою очередь, княгиня Раевская также навела о нем справки. Представители большого бизнеса всегда основательны; для них не существует мелочей, беседа с ними протекает весьма непросто, и предстоящий разговор таил немало неожиданностей.

Тщательно побрившись, дон Писрро освежил лицо дорогим одеколоном, но таким образом, чтобы пряный запах не душил собеседника и чувствовался не ближе, чем на расстоянии вытянутой руки, – при встрече с такой женщиной, как княгиня Маргарита Раевская, пустяков не бывает.

Не было еще и десяти часов утра, но город, напоминая бурлящий вулкан, клокотал, а ведь это только начало рабочего дня. Весьма трудно представить, что же будет твориться на его площадях, когда градус деловой активности подберется к точке кипения. В какой-то момент дон Писрро поймал себя на том, что ему нравится ощущать себя частичкой великого города, пусть даже в качестве гостя и просителя.

Заказанное накануне такси терпеливо поджидало у дверей гостиницы. Водитель, художный темнолицый индус в небольшом аккуратном тюрбане на вытянутой яйцеобразной голове, привычно улыбался пассажиру и, услышав адрес, расположенный в одном из самых фешенебельных районов города, уважительно и понимающе закивал. Еще через полчаса машина подкатила к нужному месту. Отрабатывая щедрые чаевые, водитель проворно вскочил с кресла и предупредительно, слегка наклонив в почтении голову, открыл перед доном Писрро дверцу.

– Хорошего дня, – пожелал индус, сверля пассажира большими черными глазами.

– Надеюсь, что так оно и будет, – сдержанно буркнул дон Писрро.

Распрямив спину, как и подобает мексиканскому гранду с тысячелетней родословной, он зашагал к огромному особняку, облицованному черным мрамором, проглядывающему черепичной крышей сквозь кроны распускающихся каштанов.

У входа в черном смокинге и с огромной черной бородой, казавшейся приклеенной на скуластое лицо, стоял швейцар высотой в морскую милю. Вид неприступный, как средневековая крепость, даже где-то грозный. Хмыкнув, дон Писрро подумал о том, что с такой физиономией следует отпугивать бойцовых собак. Но услышав имя гостя и цель его визита, швейцар раздвинул толстоватые губы в любезной улыбке. Более доброжелательного лица трудно было представить. Совершенно не верилось, что столь широко можно улыбаться безо всяких чаевых. Видно, княгиня умеет воспитывать своих людей. Впрочем, немудрено – за хорошие деньги можно щериться даже дьяволу, пришедшему по твою душу.

– Княгиня ждет вас, – произнес он оперным баритоном.

– Прекрасно.

– Вас проводят.

В просторной гостиной, больше смахивающей на банкетный зал, его встретил крепкий широкоплечий распорядитель в черном костюме с необыкновенной белизны платочком, торчавшим из накладного кармана.

Сверкнув ухоженными зубами, он объявил:

– Позвольте, я вас провожу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.